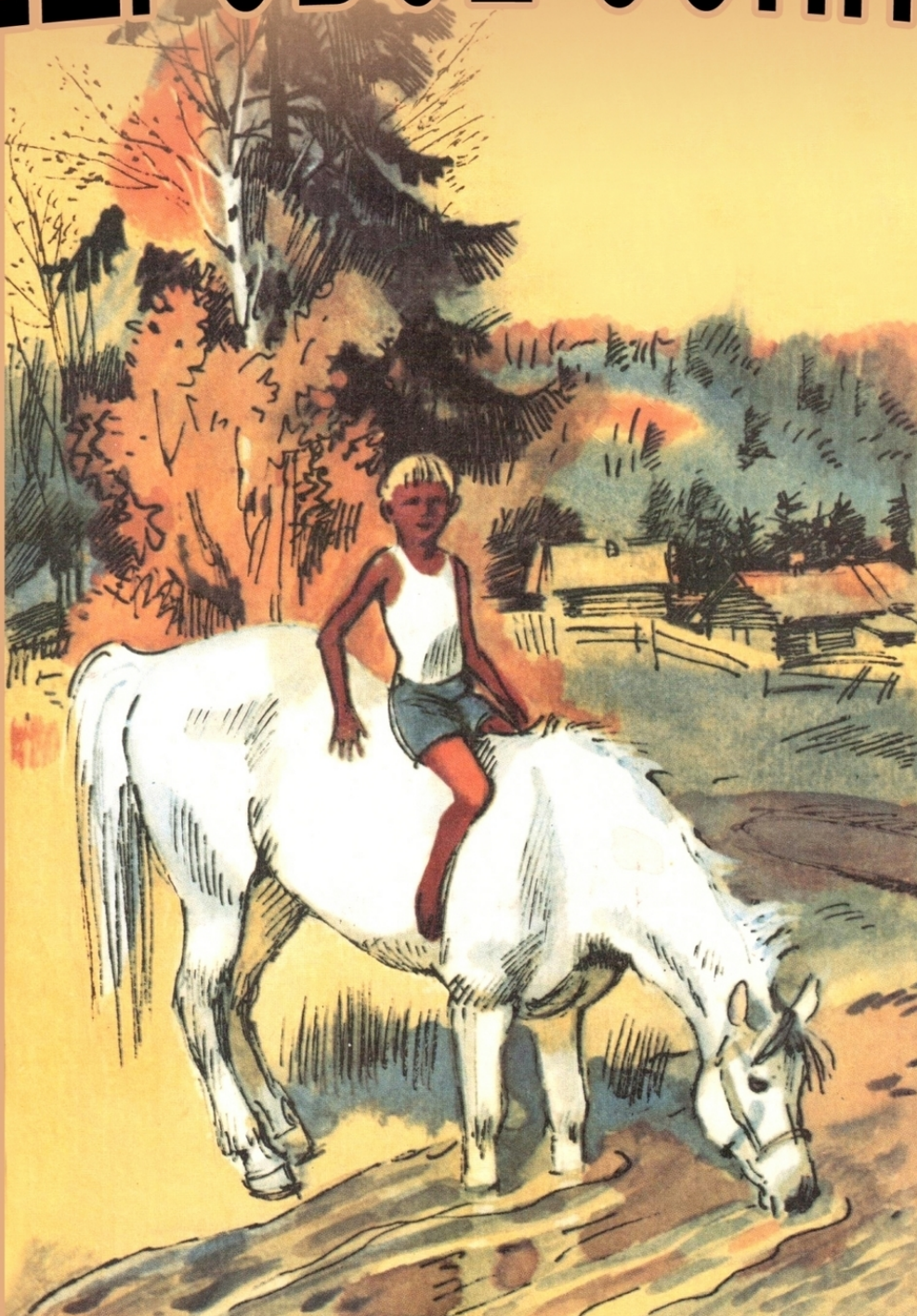

Вячеслав Суккарев

КЕДРОВОЕ СОЛНЦЕ

16+

Вячеслав Сукачев

Кедровое солнце

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Сукачев В. В.

Кедровое солнце / В. В. Сукачев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-05039-6

Детская повесть в рассказах - довольно редкое явление в современной литературе. Действие повести разворачивается на протяжении шести лет, прослеживая судьбу героя с двенадцати и до восемнадцати лет. Это очень типичное для русской литературы произведение о становлении человеческого характера, опирающееся на толстовско-аксаковскую традицию описания детских лет. Повесть написана, что называется, на едином дыхании и представляет собою не просто ряд житейских эпизодов, а исповедь человеческой судьбы, определив жизненный путь героя однажды и навсегда.

ISBN 978-5-532-05039-6

© Сукачев В. В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть первая. На распутье	5
Переправа	5
1	5
2	6
3	7
4	8
5	9
6	11
Медвяный ветер с полей	13
1	13
2	14
3	15
4	16
5	17
6	18
Пора сенокосная	20
1	20
2	21
3	22
4	24
5	24
Луна не вынесет разлуки	27
1	27
2	28
3	29
4	30
5	31
Верный	34
1	34
2	35
3	36
4	37
5	38
Школьный учитель	40
1	40
2	40
3	41
4	41
5	43
6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Часть первая. На распутье

Переправа

1

Сон не сон, а только нет сил открыть глаза, перебинтованные мгlistой тяжестью расцвета, и Сергей все плывет и плывет по мягко вздыхающим волнам полузабытья, не в силах побороть истому расслабившегося за ночь тела.

– Сережа! Сер-режа-а! – в который раз окликает его баба Маруся, управляясь с хлебами у русской печи, громыхая деревянной ручкой ухвата. – Ты же просил разбудить тебя пораньше. . .

Он и в самом деле просил бабушку об этом, но теперь вот нет сил и все тут, хоть караул кричи – глаза не открываются.

– Я ведь тебе говорила, – ворчит баба Маруся, – ложись спать раньше. Так нет, все бы только над книжкой глаза портил. . . Смотри, в школу опоздаешь. Деда сказывал, что ночью мосток с речки-то сдернуло.

В доме все стихает, и лишь за окнами слышится многоголосая, разнообразная жизнь: шумят малые и большие ручьи, падают и со звоном рассыпаются сосульки, щебечут развеселые воробы, примериваясь к пока что пустующим скворечникам. Сережа представляет, какое ослепительное солнце сияет сейчас над миром, до него наконец-то доходит смысл сказанных бабушкой слов: «ночью мосток с речки-то сдернуло», и он резко отшвыривает одеяло с себя. Так и есть – густые снопы солнечного света косо навалились на окно, перечертили обеденный стол, широкие половицы и уперлись в устье русской печи, прикрытой жестяной заслонкой. А это значит, что сейчас никак не меньше восьми часов утра и на зарядку, которую он с сегодняшнего дня твердо решил делать, опять не осталось времени.

Сергей вскакивает с постели, быстро заправляет ее и, пару раз махнув руками, с силой поддевает носик умывальника.

Через пять минут он уже пьет холодный чай с каральками, нетерпеливо поглядывая в окно, мимо которого идут в школу ребята. Еще совсем недавно под самым окном высился такой огромный сугроб, что противоположного дома не было видно, а теперь от сугроба осталась маленькая кучка грязного снега, спрятавшаяся от солнца за угловым столбиком палисадника.

– Опять куски на ходу хватаешь, – заглядывает на кухню баба Маруся. – Попил бы молока.

– Не хочу.

– Ребятишки переправляются через речку у релки, там помельче, вот и ты туда ступай. . . А возле мостка – выше колен. Ноги промочишь.

– Угу, – мычит Сережа, небрежно заталкивая книги в портфель.

– И ведь ничего не учил, – укоризненно качает головой бабушка.

– Учил, – возражает Сергей.

– Ну да: два раза в книжку глянул, вот и все твое ученье.

– А больше и не надо.

– Как это? – удивилась бабушка. – Чай, касатик, в седьмой класс ходишь. . .

– Я побежал.

– Смотри, если ноги промочишь, лучше домой вертайся. Тебя дедушка на лошади перевезет.

– Не промочу! – Сережа пролетает мимо бабы Маруси и исчезает за дверью.

– Вот же, суматоха, – ворчит бабушка, прибирая за ним со стола.

2

Сергей и не подумал поворачивать к релке, где, по словам бабушки, было мельче. Он пошел к снесенному половодьем мосту и еще издали разглядел возле него столпившихся ребят из младших классов. «Ага, – подумал Сережа, – значит, и возле релки не перейти. Ладно, сейчас посмотрим...»

– Сережа, Сережа, – бросились к нему ребяташки, – а здесь вот так, по самый пупок будет. Колька Корнилов уже утоп!

– Как – утоп? – опешил Сергей.

– А так... Вначале пошел, и ему до колен было, а потом как ухнет – сразу по пупок...

Сережа Тухачев и Колька Корнилов самые старшие в Выселках ребята, которые ходят учиться в Озерные Ключи. А остальные все мелюзга – пятый-шестой класс. Вот и ждут они, пока старшие речку перейдут, втайне надеясь, что и Сереже речку не одолеть. А тогда... Тогда можно и по домам до следующего утра.

А речку Безымянку не узнать. Еще вчера спокойно струившая студеную воду вдоль низких берегов, за ночь она неожиданно взбухла, подперла березовую релку и вот-вот выплеснется за невидимый барьер, затопит прилегающую к ней кочковатую марь. Мосток, кое-как сбитый мужиками из нескольких плах, виднелся на отмели, занесенный туда течением...

– Не надо, Сережа, не ходи, – уговаривает его малышня. – А вдруг там землю промыло?! Как ухнешь...

Сергей примеривается взглядом к сваям, едва торчащим из воды, и понимает, что да, действительно, воды будет никак не меньше чем по пояс.

– А у релки? – небрежно спрашивает он.

– У релки выше колен. Никак не пройти, – отвечают ему.

Сережа всматривается и видит невдалеке пасущегося Борьку – рыжего, с белыми подпалинами по бокам бычка, оставленного бабой Марусей в зиму на продажу. С марта Борьке пошел второй год, у него забурели и округлились рога, раздались ноги в бабках. Борька был совсем ручной, добродушный и ласковый бычок: Сережа еще с осени шутя объездил его и приучил к упряжке, специально для этого излаженной дедом. Поставив две фляги на санки, Сережа возил на нем воду из колодца, сено из зарода, а то и просто катал по Выселкам ребятишек...

– Вот если лодку сюда притащить, – притворно вздыхает кто-то из мальцов.

– Ну да, будут тебе за километр ее тащить, – тут же возражают ему.

– И ниче не за километр...

Мелюзга заспорила, а Сережа все озирался по сторонам. Наконец он взял длинную палку и, осторожно прощупывая дно, медленно пошел от берега. Холодная вода сразу же обжала и стиснула раструбы кирзовых сапог, поднявшись чуть ли не до их половины, а палка скользнула по дну: видимо, там все еще лежал подмятый речкою лед.

– Серега, не надо! – крикнули ему с берега. – Там Колька утоп...

И тут же Сергей чувствует, как палка уходит из его рук. Он берет правее, левее, но всюду его водомерная палка погружается почти на половину метра. Становится ясно, что здесь не пройти.

Сергей возвращается на берег. Кончики пальцев на ногах начинает знобить и он догадывается, что сапоги где-то протекают и портянки уже успели подмокнуть. Надо бы разуться и посмотреть, но в это время Сережу осеняет неожиданная мысль.

3

Борька вначале упрямится и никак не хочет заступать в холодную воду. Низко опустив широколобую голову, он упирается передними ногами и трусливо приседает на задние. Дай ему волю, Борька вообще бы попятился назад, развернулся, а там его только и видели. Но Сережа, крепко обхватив бычка за шею, тянет его за собой, и он вскоре понимает, что в воду все-таки придется идти. Борька еще переступает передними ногами, нервно охлестывая себя хвостом, еще испуганно косится круглыми, красноватыми глазами на притихших ребят, но по всему видно, что внутренне он смирился с уготованной ему участью.

– Пойдет, – заспорили ребята.

– Не-е, не пойдет.

– Давай на спор!

– Давай!

– На шелбан...

– Если он только зайдет в воду и назад – не считается.

– Знаешь, как на нем Серега гонял! На лошади не догнать...

А Борька между тем шагнул в воду и остановился. Теперь Сергей его не торопил, а ласковым голосом старался успокоить. Вскоре Борька осмелел и уже самостоятельно потянул на глу-

бину. Сережа изловчился и мягко вспрыгнул на бычка, как это делал уже не раз. Борька пошатнулся, боднул головой воздух, шумно вздохнул и начал осторожно пересекать Безымянку.

– Ур-ра! Ур-ра-а! – кричали школьники на берегу, восхищенно наблюдая, как Борька выносит Сережу на противоположный берег.

Сергей и сам чуть было не закричал от восторга, когда сух и невредим спрыгнул на берег, но тут же вспомнил свои четырнадцать лет и лишь одобрительно похлопал Борьку по спине.

Вернуться назад уже было легко: Борька пошел в воду охотно. Словно почувствовав, что он стал центром внимания, бычок покосился на ребят, и чуть было не шлепнулся на самой середине Безымянки.

– Н-но! Ты! – сердито вскрикнул Сергей, поддавая пятками сапог бычку под бока. В общем, переправа закончилась благополучно, и Сережа, спрыгивая с Борьки, весело спросил мелюзгу: – Ну, кто первым на ту сторону?

Ребятишки замялись, нерешительно переглядываясь и указывая пальцами друг на друга.

– Что, смелых нет?

– Давай, я поеду, – выступил вперед Вовка Азанов, белобрысый, круглощекий малец из пятого класса.

– Молодец! – одобрил Сергей. – А кто еще?

– Чего он, сразу двух возьмет, что ли? – засомневались ребята.

– Не-е, пусть вначале Азанчик переедет...

Сергей подхватил Володьку и легко посадил на спину бычка.

– Держи свой портфель.

Ребятишки недоверчиво смотрели на Борьку и ожидали, что будет дальше.

– Утопнешь, домой не ходи! – прокричал бойкий на язык Гришка Козлов.

Борька, теперь уже хорошо понимая, что именно от него требуется, охотно пошел на ту сторону. Вовка, зажав его бока коленями, одной рукой вцепившись в холку, другой держал портфель.

– Пятками его, пятками подгоняй! – кричал вслед Сергей.

Стоило Вовке Азанову ступить на противоположный берег, как на этом берегу начала выстраиваться очередь на перевоз. И переправа закипела. Теперь ребятишки ездили по двое, и вскоре рядом с Сергеем остался один лишь Гришка Козлов. И надо же было так случиться, что именно под Гришкой бычок встал на середине речки, выгнул спину дугой и начал справлять приспевшую нужду. Ребята на той стороне Безымянки от смеха повалились с ног, видя, как вцепился Гришка в Борькину шею, каким-то чудом удерживаясь на острой спине. Не удержался от смеха и Сережа. Одному лишь Гришке было не до веселья: он медленно начал съезжать вбок, испуганно открывая рот, и, видимо, съехал бы совсем, да в это время Борька выпрямился и как ни в чем не бывало побрел дальше.

– Гришка! – кричали ребята, – держи пятки, а то душа убежит...

Обозленный Гришка двинул кого-то портфелем по спине и молча зашагал в Озерные Ключи. Следом за ним неторопливо потянулись остальные ребята: на первый урок они все равно уже опоздали.

4

Сергей дождался, пока Борька вернулся к нему, обнял за шею, и, стараясь заглянуть в круглый выпуклый глаз, похвалил бычка:

– Молодец, Борька! Умница!

Борька, словно бы понимая его, слегка кивал, уворачиваясь от Серезино дыхание.

– Ну, Борька, еще меня перевезешь – и отдыхай до обеда. А после обеда, смотри, за мною придешь на тот берег, хорошо?

Отпустив Борьку, Сергей посмотрел, как он перешел на родной берег и медленно поплелся к лужайке, сщипывая на ходу редкие зеленые травинки, тут и там пробившиеся из земли. Солнце уже стояло высоко и всю припекало голову, и там, где истаявали последние крупинки снега и льда, струился в воздухе легчайший парок.

Проходя мимо, Сережа не удержался и подвернул к березкам, постепенно втягивавшимся в матерую тайгу, поднимающуюся до середины хребтов Сихотэ-Алиня. И до чего же интересно было ему наблюдать просыпающееся от зимней спячки царство деревьев и трав. Вон колышутся цветущие сережки на ольхе, а чуть в стороне – заросли лещины, которую лишь тронь рукою, как она сразу же окутается легчайшей дымкой золотой пыльцы. А над небольшой протокой, все еще затянутой иссиня-зеленым льдом, расцвели, одевшись в волшебную позолоту, ивы. На черемухе и тонких, молоденьких топольках почти до половины набухли клейкие почки. Сережа не удержался, сорвал тополиную почку и размял в пальцах липкую зеленую массу, остро пахнущую молодой листвой. Тут же решил, что надо принести домой веточку и опустить в бутылку с водой. Через несколько шагов он вышел на небольшую узкую проталину и задержал шаг от удивления – поляна была усеяна золотистыми подснежниками. Присев на корточки, Сережа нарвал небольшой букетик из самых крепких и крупных цветов. И пока он срывал цветы, над ним с недовольным жужжанием пролетали продолговатые шмели.

Сережа уже собирался повернуть к большаку, когда вдруг на веточке осины, рядом с черной дырой небольшого дупла, увидел серого скворца. Затаив дыхание, он не сводил с него глаз, пока скворец, обеспокоенный его взглядом, не упорхнул в глубину леса, из которой слышалось свадебное попискивание ошалевших от солнца рябчиков.

«Вот это да, – думал Сережа, торопливо шагая к большаку, – значит, я первый увидел скворца. Даже дедушка о нем еще не говорил. Вот Васька-то позавидует, а то он тоже, знаток великий, всегда и все видит вперед всех».

Однако пока Сережа выбирался к большаку, он еще дважды увидел скворцов и уже не был так уверен, что самым первым встретился с прилетевшими из дальних краев птицами.

5

Едва Сережа ступил на школьный двор, как услышал долгий звонок, а следом за ним деревянные стены дрогнули, стекла в окнах зазвенели, с треском распахнулись двери, и возбужденные ребята с криком вывалились во двор. Старшеклассники наперегонки кинулись к туалету, малышня полезла на бревно меряться силами, а перед Сергеем остановился Васька Хрущев. Хотя и был он на год старше Сережи, но за последние год-полтора в росте от друга отстал, зато заметно раздался в плечах, а на верхней губе у него появилась темная полоска.

– Что, для Настьки насобирал, да? – кивнул Васька на букетик, глубоко засовывая руки в карманы штанов.

– Чего-о? – смутился Сергей. – Была нужда... Просто показать хотел.

– Знаю я... – Васька лениво отвернулся.

– Ничего ты не знаешь, – Сережа посмотрел на букетик и швырнул его за бочку с водой, стоявшую под угловым сливом. – Я скворцов сегодня видел.

– Ну? – так и прынул к нему Васька. – Где?

– В релке... Возле дупла.

– Ага, значит, холодов больше не будет.

– Не должно.

Рыжие заплатки с Васькиного носа так и не сошли, и Сережа знал, как он мучился из-за этого, сколько сметаны и подсолнечного масла у матери перевел, сколько раз специально обгорал под солнцем, чтобы старая шкура слезла и новая без веснушек выросла. Но вместе с новой шкурой всегда появлялись и новые веснушки.

- Айда покурим? – предлагает Васька.
- Не хочу.
- Ну, а я пошел.

Перед самым классом Сережа сталкивается с Марией Ивановной. Внимательно оглядев его с ног до головы, классный руководитель неожиданно говорит:

- Молодец, Тухачев! Спасибо...
- За что? – искренне удивляется Сергей.
- А за то, что ребят в школу переправил.
- Ерунда, – небрежно отмахивается Сережа и входит в класс.

– Молодец, Тухачев! Спасибо, – передразнивая Марию Ивановну, насмешливо говорит Настька Лукина.

– А ты успела подслушать? – проходя на свое место, ворчит Сергей. – Нехорошо. За это маленьких бьют и...

– Ой, ой, ой! Как он меня напугал. – Настька сверкает черными глазами, встряхивает длинной черной косой и выбегает из класса. А Сережа достает из портфеля книги и небрежно заталкивает их в парту.

В последнее время у них с Настькой установились странные отношения: если хвалят Сережу – злится Настька, и, наоборот, если в чем-то отличится Настька (ну, например, на уроке пения), недоволен Сережа. За половину дня они успевали столько неприятных слов наговорить, что к последнему уроку смотреть не могли друг на друга. К вечеру все обиды забывались, но утром следующего дня все начиналось снова. И вот теперь Сережа дал себе слово никогда больше на Настьку внимания не обращать...

Начался урок. Вел его Виталий Степанович, совсем еще молодой учитель, симпатичный, с тонкими черными усиками и светло-коричневым южным загаром. Приехал он в Озерные Ключи недавно, из Мелитополя, и сразу же заворожил ребят манерой вести уроки: можно было ходить по классу, пересаживаться с парты на парту, отвечать по учебнику. Особенное расположение Виталий Степанович оказывал Сереже Тухачеву, даже сфотографировал его несколько раз и обещал сделать фотографии, как только купит фотоувеличитель...

- Кто не учил урока? – спросил Виталий Степанович.

Васька Хрущев неохотно поднял руку.

– Понятно. Садись на заднюю парту и учи. В конце урока спрошу... Кто хочет ответить на пятерку?

Конечно, тут же подняла руку Валька Никулина, вечная отличница их класса.

- Кто хочет заработать четверку – приготовиться.

Виталий Степанович поставил в журнал жирную пятерку Никулиной и отвернулся к окну, выжидая, когда соберутся с духом четверочки, лихорадочно листающие страницы учебника.

– Итак, кто у нас идет на четверку? – повернулся и оглядел класс молодыми горячими глазами Виталий Степанович. – Может быть, Паньшин? Не возражаешь?

Петька потащился к доске.

6

Ребятишки из младших классов, поджидая Сережу, сидели на бревнах, подставив солнцу коротко стриженные головы. И стоило ему выйти из школы, как они окружили его, а Вовка Азанов сразу же задал интересующий всех вопрос:

– Сереж, а Борька к нам перейдет?

Сергей и сам думал об этом и больше всего боялся, как бы Борька вообще не убрел домой.

– Там посмотрим, – ответил он Вовке.

Выходя со школьного двора, Сережа заметил, что на некотором отдалении за ними следует и Настька Лукина. «Все, теперь не отстанет», – понял Сергей. А тут еще и Васька Хрущев вразвалочку вышел из своего двора и, словно они век не виделись, небрежно сказал:

– Привет, ковбой!

Сергей промолчал.

– Слышь, Серый, – окликнул его Васька, – дело есть.

Сережа остановился и подождал его.

– Ты велик ещё не обкатывал?

– Нет.

– Как подсохнет, давай в Малышевку смотаемся? Говорят, там хороших вислоккрылых голубей продают. Купим себе по паре, а Оська пусть локоть грызет...

– Давай! – обрадовался Сережа, и они тут же обговорили детали предстоящей поездки.

– А вы что, точно на Борьке переправляетесь? – спросил Васька.

– Пошли, посмотришь...

Вода немного упала, это Сережа определил сразу: вдоль берега лежали обсохшие коряги, разный мусор и темнела не успевшая просохнуть галька. Что его порадовало еще – Борька торчал на лужайке и уже повернул голову на их голоса.

– Ты думаешь, он к тебе придет? – недоверчиво спросил Васька.

– Должен, – Сергей бросил свой портфель и, подойдя к самой воде, начал звать: – Борька! Бо-орька! Бо-о-о-орька!

Бычок долго вглядывался, потом сделал нерешительный шаг, другой, вдруг коротко взмыкнул и трусцой побежал к Безымянке. У воды он остановился, шумно потянул воздух в себя и решительно направился к противоположному берегу.

– Ну ты даешь! – восхищенно удивился Васька, когда бычок перевез первых ребят и вновь вернулся к Сереже. – Меня-то перевезешь?

– Спрашиваешь.

И переправа продолжалась. Сережа даже представить не мог, как пристально и неотрывно наблюдают за нею из ближайшего колка два черных любопытных глаза...

Почти неделю перевозил Борька ребят в школу и обратно, и они уже было совсем привыкли к этому, да тут мужики выкроили время и навели новый мост: из широких толстых плах, с красивыми белыми перилами. А Борька еще несколько дней приходил к Безымянке, провожал и встречал ребят, пока не познакомился с годовалым бычком Азановых, с которым они начали пастись на луга.

Медвяный ветер с полей

1

Отшумели весенние ручьи. Смолкли птичьи брачные песни, покойнее стало в лесу, вдоль и поперек прошитом крепкими ароматами вошедших в силу цветов. Вот уж где приволье, вот уж где раздолье для неугомонных пчел. Проворно обшаривая цветы, пчела-труженица старательно и умело собирает с них пыльцу, укладывает ее в «корзинки» на своих ногах и стремительно уносит в домик-улей. Знающему человеку по цвету «обножки» нетрудно разобраться, с какого растения собрана пыльца. С цветущей ивы, к примеру, пчелки несут желтые комочки пыльцы, с яблони – светло-серые, а вот на груше пыльца красная, на липе – зеленая, на одуванчике – ярко-оранжевая.

Весна по народной примете закончилась, поскольку в тайге зацвел шиповник. На смену торопливым подснежникам расцвели фиалки, голубые горечавки, лиловыми огоньками вспыхнул первоцвет. На открытых лужайках зазолотились одуванчики, а на межах и у дорог зажелтели нежные хохлатки...

– Гля, Серега, – протягивает Васька желтенький цветок, – чистотел зацвел.

Сережа осторожно берет цветок, рассматривает и отбрасывает в сторону.

– Что, не нравится? – смеется Васька.

– Еще бы! – Сережа передергивает плечами.

– Ты пальцы вытри, а то пузыри вздуются.

Сережа смотрит на пожелтевшие пальцы и трет их о землю.

– Мамка сказывает, что его еще ласточкиной травой называют, – Васька жмурится и переворачивается на спину. – А знаешь, почему?

– Нет.

– Раньше думали, что ласточки собирают сок с чистотела и возвращают зрение тем пацанам, которые слепыми рождаются... Во темнота-то была, да?

Сергей не отвечает и с любопытством смотрит на отброшенный цветок.

– Серега, – лениво, в нос, тянет Васька, – твоя очередь коров смотреть.

Вставать не хочется: земля, щедро согретая солнцем, кажется мягкой и уютной, а поднялись они с Васькой в четыре часа утра и теперь глаза сами собой нороят закрыться.

– Сейчас, – тихо отвечает Сережа.

– Смотри, заснешь, – уже из последних сил предупреждает Васька.

И Сергей поднимает голову, некоторое время у него перед глазами плывут круги, потом все становится на свои места, он видит лес, пронзительно-зеленый луг, клином уходящий в сторону Галкиной Ямы, Лельку, лениво пасущуюся невдалеке, и огненно-рыжий шар, стремительно летящий на него. Сережа вновь опрокидывается на спину, и Верный, по инерции перелетев через него, падает на Ваську.

– Пшел! Скотина! – вопит возмущенный Васька и переворачивается на живот, уютно вжимаясь головой в небольшую вмятину на земле.

– Верный, – ласково гладит пса Сережа, – ты где был?

Верный притих, зажмурился, на носу у него Сережа видит присохшие комочки земли.

– Ты за сусликами гонялся, да? – сразу же догадывается Сергей. – А кто будет за коровами смотреть?

И тут он вспоминает, как дедушка вчера вечером наставлял их с Васькой: «Главное, ребятки, не упустите коров в клевера. Не дай бог! Они ведь не понимают. Обьедятся и вмиг передохнут...»

Сергей вскакивает и бегом бросается к Лельке.

2

А коровы уже успели миновать первую рёлку, пересекли луг и потихоньку втягивались в мелколесье, за которым было большое поле клеверов. Впереди, конечно же, Ночка Никитиных – черная, статная корова, с круто и изящно выгнутыми рогами. Завидев скачущего Сергея, она спокойно повернула к лугу, а за нею и остальное стадо.

– Вот я тебе! – грозит кнутом Сергей и подворачивает буренок в сторону луга.

Верный, оценив обстановку, с лаем кидается на коров, и они трусливой рысцой бегут от него. Сгоряча Верный кинулся было и к Ночке, но она, с неожиданной прытью развернувшись к нему, низко опустила голову, трубой вскинула хвост и понеслась на тьякнувшего от неожиданности пса. Делать было нечего: Верный поджал рыжий хвост и во всю собачью прыть бросился к Сереже.

– А ну-у! К-куда! – громко щелкнул кнутом Сергей, и Ночка замерла на месте, лишь круглые бока у нее высоко вздымались от бега. – Вот я тебе сейчас...

Ночка почесала голову о переднюю ногу и ленивой трусцой поспешила к оставленному стаду.

– Что, Верный, струсил? – насмешливо спросил Сережа облизывающегося пса. – Коровы испугался, да?

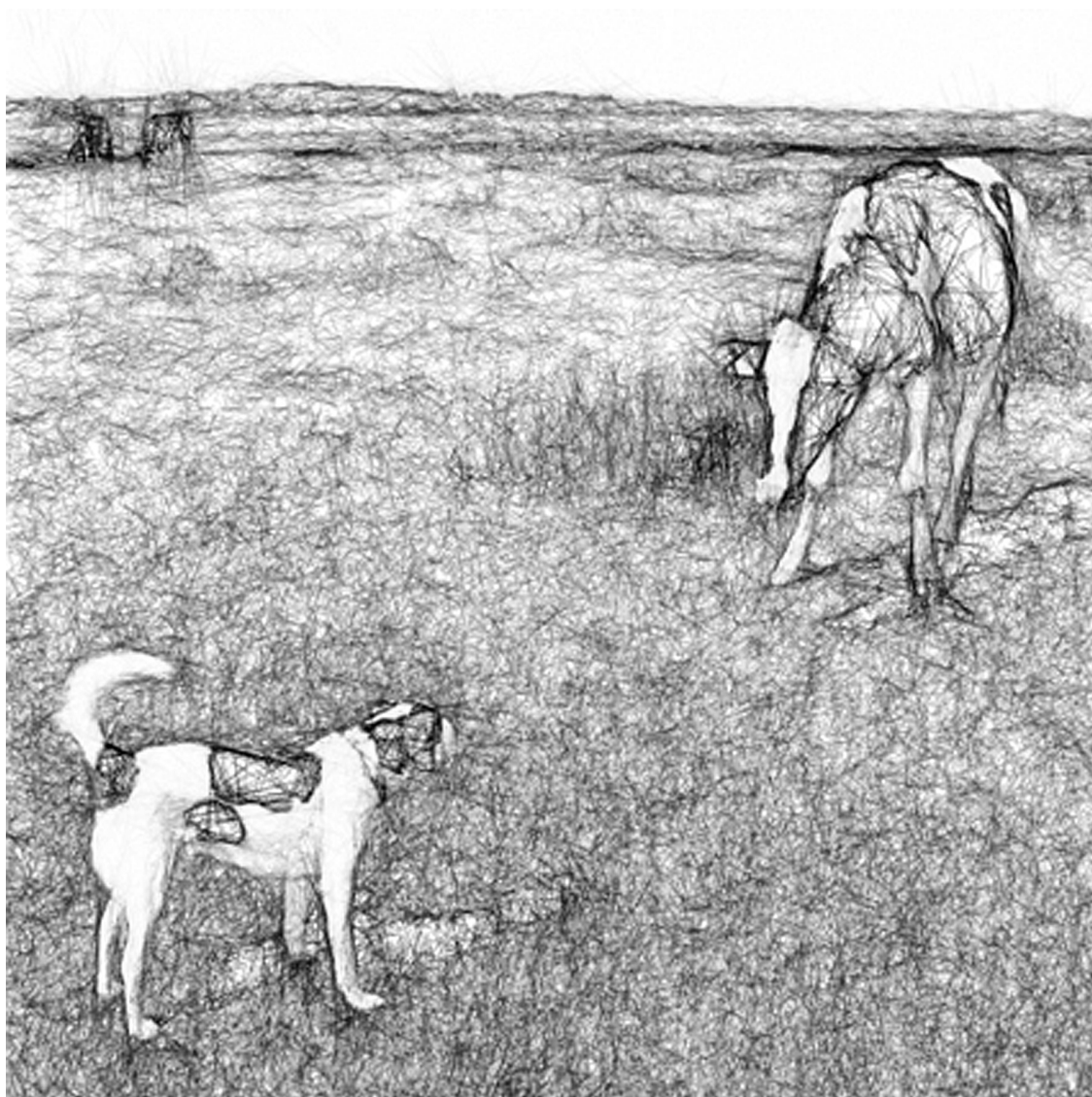
Верный потянулся и протяжно зевнул, обнажая розовую пасть, тем самым он как бы сказал: попробуй тут не струсить – растопчет дурная корова, да еще и на рога подцепит... Впрочем, не только Верный опасался Ночку – все деревенские псы не выказывали особенного желания связываться с нею. «Атаман, а не корова, – говорил про нее дед, – хуже любого врага в стаде. От нее, окаянной, все беды. Глаз с нее не спускай...»

В это лето не нашлось в Выселках пастуха для домашнего коровьего стада, и на деревенском сходе было решено пасти коров дворами, по очереди. Конечно, хорошего в этом мало, да что делать? Тухачевым пасти деревенских коров выпало в воскресенье, когда дедушка на конюшне договорился ковать колхозных лошадей. Вот и повезло Сергею – доверил дед ему с Васькой деревенское стадо...

– Но! – теснит коров лошадей Сережа. – Пошли!

Коровы, постепенно разбредаясь по лугу, все дальше отходят от клеверов. Теперь можно спокойно полежать на траве и даже вздремнуть немного, потому как Васькина очередь подворачивать стадо...

И каждый час, каждую минуту звучит в лесу и на лугах разноголосый птичий хор. То жаворонок залетит звонкой трелью, то бекас в стремительном полете издаст оперением такие звуки, словно у тебя над головой кричащая овечка пролетела. Но красивее всех распевает свои бесконечные песни сизый дрозд: заслушаешься его звонкими напевами, невольно замрешь от нескончаемого «художественного свиста».

3

День близится к обеду. Васька, обломив по размеру мизинца палочку, воткнул ее между пальцами и так пытается определить время.

– Час дня, – неуверенно говорит он, – никак не меньше.

Сергей, заметив, где кончается его тень, шагами измеряет ее, после чего заявляет:

– Только-только за двенадцать перевалило.

Они начинают спорить. Верный, вальяжно развалившись в тенечке под березой, с любопытством смотрит на них.

Дело в том, что к двум часам дня они должны подогнать стадо к Галкиной Яме. Туда из деревни придут женщины доить своих коров. А они в это время могут пообедать и отдохнуть.

Наконец, после долгих споров, Сережа с Васькой сходятся на том, что еще примерно час коров надо будет покрутить здесь, а потом уже гнать к Галкиной Яме. Порешив с этим делом, они вновь валятся на землю, вдыхая ее дурманящие запахи. Постепенно у них завязывается разговор о том, что их сейчас больше всего волнует.

– Слышь, Вась, а если в мореходку махнуть? – спрашивает Сережа, мысленно представляя себя в матроске и брюках-клеш.

– Не, – лениво щурится Васька, – далеко.

– Ну и что?

– Не хочу...

– А тогда куда?

– Я бы сразу на шофера пошел, – приподнимается на локтях Васька, – да там только с восемнадцати лет берут. Мне еще два года ждать.

– Вот если бы в летное училище, – Сережа поднимает голову, смотрит в пронзительно-голубое небо и грустно вздыхает.

– Мал еще, дорасти.

– А можно в горный техникум – на геолога, – оживляется Сергей. – Знаешь, как интересно!

– Че интересного? – покривился Васька. – Всю жизнь каменюки собирать. Да они мне и даром не нужны... Не-ет, – спустя минуту, говорит он. – А я бы пока на тракториста пошел. Три месяца и – готово... Матери можно помогать.

Васька садится на землю, достает мятую пачку «Севера» и долго выбирает себе папиросу. Немного подумав, он и Сергею протягивает пачку, но тот отрицательно качает головой.

– Неужели так и не будешь курить? — удивляется Васька.

– Нет.

– Совсем?

– Я пробовал – противно, – равнодушно говорит Сергей.

– Подожди, закуришь еще, – многозначительно обещает Васька, глубоко затягиваясь и кольцами выпуская дым. Одно из колец снесло на Верного, он чихнул, вопросительно уставился на ребят и почесал нос лапой.

– А я, наверное, в мореходку подамся, – Сергей потягивается и сладко зевает, – знаешь, какая у них форма!

– В мореходку – хорошо, – соглашается Васька. – А только кто твоим деду с бабой Марусей помогать будет? Мо-ре-ходка, – презрительно растягивает Васька. – В море можно и в армии попасть, а тебе специальность нужна, понятно? На всю жизнь.

Сергей понимает, что в чем-то его друг прав, но так не хочется расставаться с мечтой, которая не давала ему покоя: огромный, белый корабль, а на капитанском мостике он, Сергей Тухачев, в форменном мундире, с биноклем...

– Все равно, Васька, я в море хочу.

– Ладно, – отмахивается Васька, – надо еще экзамены сдать.

– Сдадим...

– Тебе легко говорить, а я на сочинении срежусь, – убежденно заявляет Васька.

– Учи.

– А я не учу, думаешь? Ночью разбуди и спроси – все правила расскажу, а ошибку все одно сделаю.

Солнце уже прямо у них над головами, и Васька вдруг спохватывается:

– Серега, коров гнать надо, а то нас бабы побьют.

– Погнали, – соглашается Сергей, поднимаясь с пряно пахнущей земли.

4

Пригнали они коров в самый раз, так что женщины, уже подошедшие на дойку, похвалили их:

– Вот это пастухи! А то вчера Вениковы два часа коров здесь продержали.

– Здесь-то способнее стадо держать – клевера не потравят.

– Ну да... Зато и молока я надоила с гулькин нос.

– Все одно – худо без пастуха.

– Известно. А что делать? Хорошо вот ребята добросовестные попались. Другие-то абы как, лишь бы очередь отдежурить...

Приятно ребятам слышать добрые слова, после них и усталость вроде бы отступила, и спать уже не так хочется.

– Пошли перекусим, – предлагает Васька, снимая с седла переметную сумку, – а то, знаешь, у меня кишка кишке лупит по башке...

Есть они садятся в тени под раскидистой березой, под неотступным, внимательным взглядом Верного. Васька достает из сумки две темных бутылки с молоком, шесть вареных яиц, картошку в мундирах, головку лука, по кусочку окорока, по два соленых огурца и буханку хлеба.

– Куда столько? – удивляется Сергей.

– Ничего, до вечера подберем, – рассудительно отвечает Васька. – А не подберем – нахлебник поможет, – он кивает на Верного.

– Ребятки, а ребятки! – кричит еще издали растерянная тетка Груня. – Куда это вы мою Марту подевали?

– Марту? – в один голос переспрашивают друзья, совсем было наладившиеся обедать, и разом вскакивают с земли.

– Ну да, Марту... Я уже в другой раз все стадо оббегала, а ее нет...

Ребята переглядываются, и Сережа вспоминает, как дедка еще с вечера говорил ему: «А то есть такие артистки, что зайдут в лес и лягут... В тенечке-то хорошо, чего не полежать? Потому, как мимо леса погоните стадо – в оба глаза смотрите, чтобы какая каналья у вас не отстала...»

Сергей бежит к Лельке, недовольно покосившейся на него, а Васька в это время подозрительно спрашивает:

– А вы хорошо посмотрели, тетя Груня?

– Глаза у меня еще не повылазили, чтобы свою корову не разглядеть, – сердится женщина, опуская на землю ведро и маленькую скамеечку.

– Ладно, сейчас найдем, – обещает Васька, провожая взглядом поскакавшего к лесу Сергея, – никуда не денется ваша Марта.

5

Обогнув клеверное поле, Сережа медленно возвращается назад. Он часто останавливает Лельку и до боли в ушах вслушивается в тишину леса, надеясь, что Марта выдаст себя неосторожным движением или шумно вздохнет. Но Марта словно сквозь землю провалилась. Сережа тянет повод и сворачивает с набитой коровами тропинки в небольшой лиственный лесок. Нежаркое майское солнце насквозь пронизывает кроны белоствольных берез, вечно беспокойные осины даже при полном безветрии мелко дрожат листвой, и мириадами драгоценных камней сверкают холодные росинки, не успевшие иссохнуть в сумраке леса. Даже Верный притих, как только въехали они в лес. А тут еще откуда-то с высоты послышалась многозвучная мелодия: переливчато-напевная, отдаленно смахивающая на звуки флейты, она разносится далеко окрест и резко обрывается. Сергей отчаянно крутит головой и внезапно замечает взблеснувший между кронами деревьев золотистый комочек, тут же пропавший с глаз. И только тут он догадывается, что это иволга, золотисто-желтая, с бархатисто-черной каймой на шее, темным оперением хвоста и крыльев, видимо вспугнутая им с гнезда.

– Верный! Ищи! – кричит Сергей. – Ищи, Верный!

И Верный, словно бы поняв его, кидается в самую гущу молодого подростка, попутно не забыв приподнять ногу над большой муравьиной кучей.

В самом центре леса Сережа обнаруживает огромный черемуховый куст, устало прогнувшийся от обилия крупных кистей белоснежных цветков. Терпкий аромат наносит на него, и Сережа не удерживается, чтобы не наломать большой букет душистой черемухи.

– Марта! Марта! Марта! – кричит он на весь лес, и эхо далеко разносит его тревожный голос. – Марта, чтоб тебе пусто было! – сердится Сергей, неожиданно для себя заговорив дедушкиными словами.

В это время где-то впереди сердито взлаивает Верный, и Сергей, прищипывая Лельку пятками, поспешно бросается в ту сторону. Ветви берез хлещут его по лицу, но он не обращает на них внимания и вскоре вылетает на узкий лесной прогал, за которым начинается старая вырубка. Марта, низко опустив рогатую голову, всхрапывает и медленно пятится от наседающего на нее Верного. А пес, словно бы понимая вину коровы, не давшей ему перекусить и заслуженно отдохнуть, с необыкновенной яростью подкатывается к ней то слева, то справа, норовя укунить за склоненную морду.

– Молодец, Верный! Молодец! – обрадованно хвалит Сергей и взмахивает кнутом.

Марта, увидев его на лошади, вскидывает голову, высоко поддает задом и бросается наутек, но теперь Сережа уже знает, что ему надо делать, и, в два счета нагнав Марту, теснит ее в сторону Галкиной Ямы. Впрочем, она и сама понимает, что дальше сопротивляться бесполезно, и охотно бежит к месту дойки...

– Как ты ее нашел? – спрашивает прыгнувшего с коня Сергея радостный Васька и принимает у него повод, чтобы спутать и пустить попасть Лельку.

– Найдешь ее, – ворчит Сережа, – дождайся... Если бы не Верный...

– И где она была?

– Возле старых вырубков.

– Вот дура, – удивляется Васька, отпуская спутанную Лельку, – чего она там потеряла?

– Спроси ее.

– Я вот ей после дойки кнута хорошего дам, – обещает Васька, – чтобы помнила.

И друзья вновь садятся под березу и наконец-то принимаются за обед.

Подойв Марту, к ним подходит тетка Груня и виноватым голосом спрашивает, не хотят ли они отведать парного молока. Ребята отказываются. Но тетка Груня так настойчиво упрашивает, а шапка пены в ведре так аппетитно напоминает вкус парного молока, что устоять ребята не могут...

6

Ближе к вечеру Сергей с Васькой начали потихоньку подворачивать коров в сторону дома. Вновь миновали колок и вышли на большой травянистый луг, граничащий с полем клеверов. Работы у них добавилось. Да и буренки, вспомнив про теплое домашнее пойло, ведут себя беспокойнее. А Ночка даже кинулась было на Лельку, но Васька не растерялся и вовремя огрел ее кнутом.

Просторно, ясно в поле и над ним. И захочешь, а не окинуть взглядом этот простор: неба и земли. Потонет в нем взгляд, заплутает и лишь в сердце отзовется каким-то неясным восторгом, особенно, если без начала и конца льется с лазурной вышины удивительная песня полевого жаворонка. Веселое, торопливое щебетанье переливается, как серебряный колокольчик, но мотива и не пытайся – не уловишь. Сережа задрал белокурую голову и увидел, как в прозрачной, нестерпимо блестящей голубизне висит, купается в благодатном воздухе едва различимый певец. Бесконечные, ни с чем не сравнимые трели, не стихая, тянутся так долго, что Сережа затаивает дыхание. Он оглядывается на Ваську и видит, что его друг сидит на Лельке с поднятой головой, тоже скрадывая восторженными глазами жаворонка в небе. И вдруг, внезапным аккордом оборвав трель, сложив крылья, жаворонек камнем падает вниз и ныряет в

траву. И уже через мгновение Сергею кажется, что ничего не было, что крохотная птица лишь привиделась ему в синей глубине воздуха...

Дедушка рассказывал Сергею, что раньше появление жаворонков в их краях отмечалось скромным торжеством: комнаты украшали пучками вербы в серебристо-белых, атласных барашках, а в окнах выставляли вторые рамы. Если у кого-то содержались в неволе птицы – их отпускали. В каждой семье выпекали витые, напоминающие фигурки тюленей, булочки, и назывались они жаворонками. И дедушка говорил, что до сих пор помнит их вкус.

– Слыхал? – восторженно кричит Васька, показывая в небо кнутовищем.

– Слыхал.

– Во дает! Чисто репей: вцепился в небо и висит себе там.

Ваську и здесь больше всего интересовала механика полета, а не пенье жаворонка.

– Видал, как он крыльями-то? Вертолет! – восхищается Васька. – На одном месте...

Уже виднеются вдалеке крыши домов, над которыми струятся легкие дымки. День, в общем-то, прожит, очередь пасти коров – отдежурена. Осталось только прогнать стадо по селу и – домой. И уже сейчас Сергея переполняет гордое чувство хорошо сделанного дела, легко освоенной работы, которую сегодня доверили ему.

– К-куда, стой! – кричит Васька и гонит Лельку подворачивать коров.

А из леса, с полей и лугов все наносит колдовским, медвяным запахом, легко кружащим голову, от чего тревожное предчувствие медленно обволакивает сердце, обещая что-то тайное и сладкое впереди.

Пора сенокосная

1

Сквозь сон Сережа слышит чей-то голос, силится уйти от него и не может. Как сквозь вату доносятся слова бабы Маруси. И вдруг он узнает – Мефодий Иванович, отец Настьки Лукиной. Сразу же сна как ни бывало, но он продолжает лежать, притворяясь спящим.

– Нынче и дружок его, Васька Хрущев, собрался, – говорит колхозный бригадир.

– Он на год нашего старше, – отвечает баба Маруся.

– А моя Настька третий день уже при волокуше.

– У Насти отец-мать есть, а наш-то...

– Ну-ну, тетка Мария, – прокуренным голосом выдыхает Мефодий Иванович, – чего уж там – жизнь... Разве мы знаем, что с нами завтра будет? Не знаем, – он помедлил и со вздохом закончил: – И слава богу, что не знаем.

– Так-то оно так, – неуверенно говорит бабушка, – да...

– Что?

– Как что, Мефодий Иванович, – горько выдыхает баба Маруся. – Бычка в зиму оставили, Сережа его к сбруе приспособил, а теперь отдай за бесценнок. А овцы! Это где же я теперь шерсти на всех наберусь? Покупать надо, а где у меня деньги? Ты много ли на трудовень даешь?

– Ну, тетка Мария, не в ногу ты со временем шагаешь, – усмехается Мефодий Иванович, – отстаешь от времени-то. Зачем тебе горб ломать, корову с бычком, овечек, да прочую скотину обихаживать? Им и сено давай, и убери за ними, и прививки разные поставь... Морока, одним словом. А теперь-то как будет: приходи на ферму, выписывай и бери сколько хочешь молока. Мясо тебе на складе выдадут – чего еще? Скажу откровенно, дело мы великое затеяли, да только помощь нам в этом деле от каждого человека нужна, помощь и понимание.

– Ох, сладко ты поешь, Мефодий Иванович, – сердится баба Маруся. – А огород зачем обрезали? Стоит теперь пустая полоска, травой зарастает – кому она мешала?

– И опять же это для твоей пользы, тетка Мария, чтобы ты после птичника на огороде без роздыха не горбатилась. – Мефодий Иванович хмурится и хлопает фуражкой-восьмиклинкой о колено. – Дело-то к поголовной культурности идет, потому как наше поколение в коммунизм заглядывает...

– Подь ты, – ругается баба Маруся, но бригадир, согнав усмешку, строго перебивает ее:

– Ну так как, тетка Мария, даешь нам внука-то? Мне хоть помирай – человек на тракторные грабли нужен.

– Даже и не знаю...

Но Сережа уже понял все, вскочил с постели и, подбежав к горничной двери, крикнул на кухню:

– Я мигом, Мефодий Иванович! Только оденусь...

– А обед как же? – привычно строжится голосом бабушка.

– У вас никак и куры перевелись? – успокоенным голосом спрашивает Мефодий Иванович. – Или хлебы не выпечены? Так я своего ему дам.

– Спасибо, как-нибудь обойдемся, – ворчит баба Маруся, – а вот года через два-три, когда вы всю скотину со двора сведете, тогда не знаю... Тогда, может быть, и приду к тебе.

– Придешь, придешь, – добродушно усмехается Мефодий Иванович и кричит в горницу Сереже: – Я тебя к Ваньке Козлову на грабли поставлю.

– А Васька у кого? – спрашивает Сергей.

– Васька-то? – Мефодий Иванович закуривает, выпуская из широких ноздрей слегка вздернутого крупного носа густые струи дыма. – Васька у Петьки Золотых... Да его самого хоть сейчас на трактор ставь – поедет. Востер, варнак, в технике, ничего не скажешь.

Сергею немного обидно, что Ваську уже «хоть сейчас на трактор ставь», но он понимает, что слова бригадира справедливы, и потому обида тут же проходит.

– Ты-то что надумал? – спрашивает его Мефодий Иванович. – Десятилетку будешь заканчивать или куда пойдешь?

– Я? – от неожиданности вопроса Сергей теряется. – Я еще не решил...

– А в интернат на тракториста не хочешь? Вместе с Васькой и поехали бы... Мы вам и направление от колхоза дадим. Сейчас ведь техника к нам попрет знаешь какая! А на нее грамотные люди нужны...

– Еще чего? – вмешивается баба Маруся. – Пусть дальше учится.

– Может и так, – неожиданно соглашается Мефодий Иванович. – Моя вон в медучилище собралась. Не хочет вместе с матерью коров за цицки тягать.

Сережа замер возле умывальника, но Мефодий Иванович заговорил о другом.

«А молчит, никому не рассказывает, – думает Сергей. – Ишь какая...»

Но какая она, Настька, он так и не успевает решить, потому что возле их дома останавливается «Беларусь» с тракторной тележкой, набитой народом, собравшимся на сенокос.

2

А уже минули первые июньские дни, с бездонно ясным небом и легким ветерком, насквозь пропахшим ароматом цветущих яблонь, ландышей и вошедших в силу трав. На смену яблоням и кленам в лесу расцвели жасмины, шиповник и бархат. Исходит ароматом актинидия, цветочными кистями распушились лозы дикого винограда. По лугам золотыми всплесками зацвел лилейник, нежно белеют василистник и волжанка. По сырým же местам голубыми всполохами озарился ирис, оранжевым половодьем разлились цветущие заросли купальницы... Ближе к середине июня отшумели плотные, короткие дожди, после которых хлеба пошли в рост – наступила пора сенокосная.

Ванька Козлов, которого, как и младшего брата Гришку, за глаза все зовут Козлом, сразу же вручил Сергею перепачканный мазутом шприц с солидолом и наказал смазать втулки грабеля. Ванька был человек малоразговорчивый, нелюдимый, и Сережа невольно пожалел о том, что не попал в прицепщики к Петьке Золотых. К тому же Петька работал на маленьком и вертком тракторе с резиновыми колесами, недавно поступившем в колхоз, а Ванька Козлов крутил металлическую баранку единственного уцелевшего в колхозе колесного «Универсала». Да и грабли, если разобраться, у Ваньки допотопные: железная сидушка торчит колом, приваренная насмерть к станине, дергать надо ручку, а не так, как у Петьки – нажал ногой педаль и звенья зубьев за спиной тут же взлетели.

Взялся Сережа шприцевать свой агрегат, а к тавотницам – не подлезешь. Измучился, пока набил во втулки солидол. Ванька в это время копался в моторе. Что-то у него там случилось, и трактор не хотел заводиться. Сергей подошел, может, помочь надо, но Ванька и бровью в его сторону не повел. Ковыряет отверткой в карбюраторе, а потом давай заводную рукоятку крутить. А ручку у «Универсала» крутить – надо силу иметь. Да еще какую!

– Может, чего помочь? – спрашивает Сергей.

Ванька внимательно смотрит на него маленькими глазками цвета старой замазки, часто помигивая белесыми ресничками, и вновь крутит ручку, или, как еще ее насмешливо зовут шофера – «кривой стартер».

Наконец, над выхлопной трубой взвываются жирные, черные кольца, по которым становится ясно, что Ванька безнадежно пересосал карбюратор. Постепенно кольца белеют, трактор

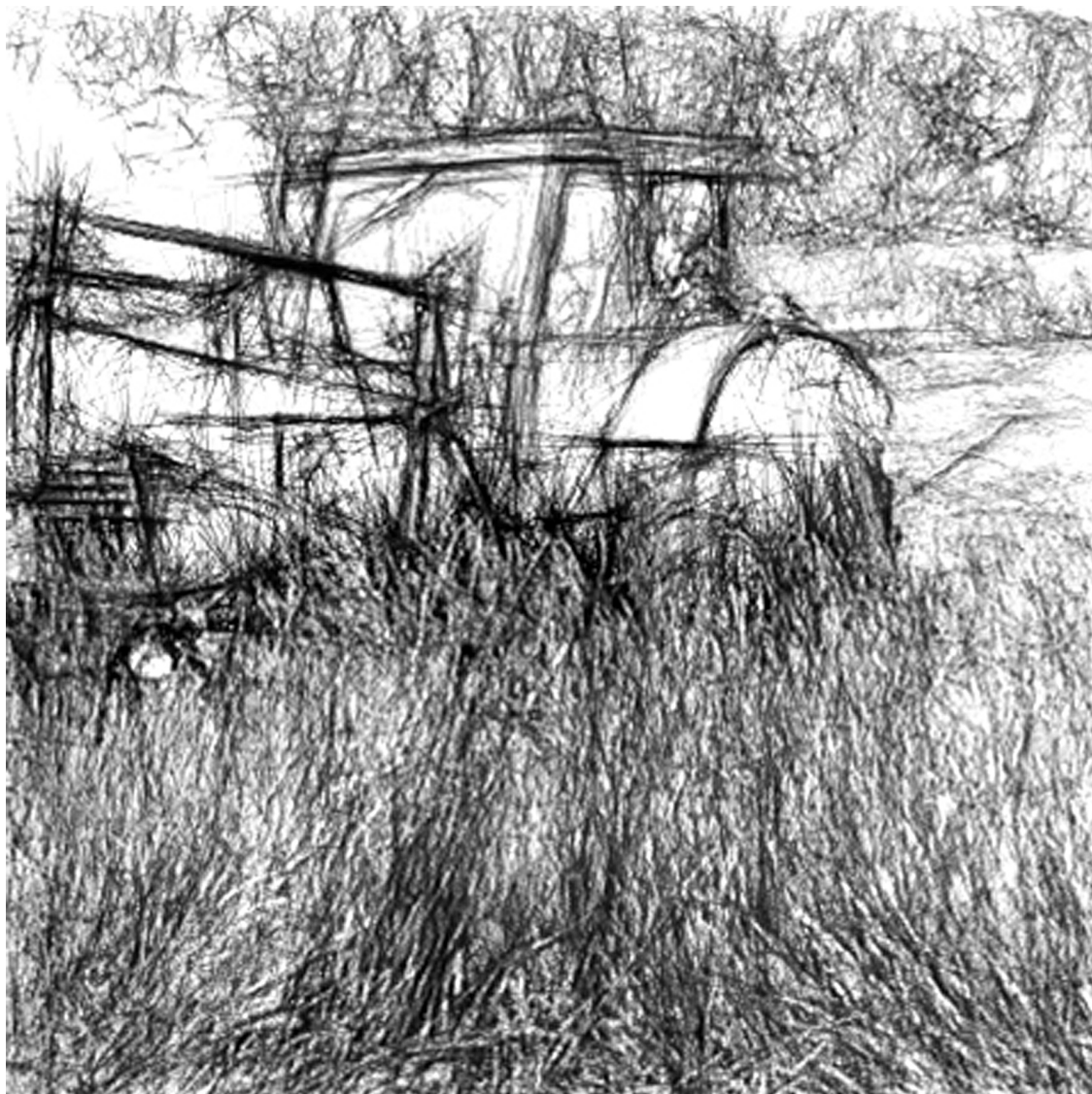
вздрагивает, несколько минут его беспощадно колотит, словно в сильном ознобе, и вот двигатель заработал. Ванька дергает ручку газа, трактор набирает обороты и рычит на весь полевой стан. Потный Ванька, задрав голову, смотрит на вылетающие кольца отработанных газов, и когда они исчезают совсем, слившись с голубым воздухом, убирает обороты.

– Ты верхонки не взял? – хмуро спрашивает он.

– Нет...

– К вечеру мозоли набьешь... Ручка тугая, надо бы тяги ослабить, да...

Ванька не договаривает и безнадежно машет. А Сергею и подавно не до тяг, ему бы поскорее в поле, Ваську повидать.

3

И потянулся бесконечно долгий июньский день, когда солнце как взойдет в зенит, так и торчит там бог знает сколько. Ни деревья, ни копны сена не отбрасывают в это время тень и негде укрыться от палящих лучей, разве что забраться под копну, но и там колко и душно. Ко всему этому пить хочется – спасу нет, а деда Никифора, развозившего на Стрелке воду, словно корова языком слизала. Но и это еще не все: от перегретого двигателя «Универсала»

на Сережу несет жаром, он задыхается от угарных газов, а нескончаемые валки сена, словно волны на озере, накатывают и накатывают на грабли, и надо не зевать, вовремя дергать ручку, иначе валок завилает по всему полю, и тогда держись – засмеют на полевом стане...

Вдруг трактор грозно взрычал на самых высоких оборотах, Сережа оглянулся и увидел, как Ванька грозит ему кулаком, показывая на валки. Сергей глянул и обомлел: один валок пропущен, а под кривыми зубьями граблей тяжело, с натугой, проворачивался огромный ком сена, до следующего же валка еще метров пять. Едва дотянули до него, да и то скошенная трава начала просеиваться между зубьями.

Ванька что-то кричит, но Сережа, вновь оглянувшись на него, видит только его ослепительно белеющие на чумазом лице зубы.

«Вот бы сам попробовал дергать эту ручку, – неожиданно сердится он, – а то хорошо сидеть на тракторе и кричать на других...»

От этой проклятой ручки, которую надо было вначале со всей силой тянуть на себя, а потом, когда кулачки зацеплялись втулкой, вовремя отпустить (иначе она могла и руку выдернуть), уже к обеду на правой ладони во всю ее ширину натянута багровая полоса. Сергей знал, что к вечеру на этом месте вздуется белый пузырь и тогда даже сжать руку в кулак он не сможет. Но думать об этом сейчас не хотелось, хотелось пить. Он все чаще представлял широкую водную гладь Амура, спокойно взблескивающую под солнцем, и искренне недоумевал – как он мог каждый час и каждую минуту не пить эту дармовую воду? Теперь он удивлялся тому, каким глупым, оказывается, был, когда часами беспечно купался в реке вместо того, чтобы склониться над нею и без перерыва пить, пить...

И все-таки он проглядел появление деда Никифора на повозке с деревянной бочкой, в которой жила, плескалась, облизывала скользкие бока студеной колодезной вода. Вначале он удивился тому, что трактор остановился и валки перестали рябить перед глазами, а когда оглянулся, выпрямляясь усталой спиной, Ванька уже припал к огромному ковшу с длинной деревянной ручкой, а по подбородку у него лилась тоненькая, светлая струйка. Сереже чуть ли не до слез жалко стало эту убегающую в землю воду, и шевельнулось мгновенное чувство неприязни к Ванькиному подбородку. Но уже в следующую минуту он забыл обо всем на свете, потому что сам припал к ледяному зубу ковша. Он пил и пил, удивленно скашивая серые глаза на деда Никифора, который равнодушно сидел возле этакой прорвы воды. Потом ковшиком вновь завладел Ванька, а Сережа переводил дыхание и мутными глазами смотрел вокруг себя.

Наконец, напившись и набрав по бутылке воды про запас, они успокоились. Дед Никифор утопил ковш в бочке, накидал в нее вырез зеленых лопухов, чтобы вода не плескалась, и поехал дальше, лениво понукая Стрелку.

– Покурим? – обронил Ванька, усаживаясь на землю.

Он закурил, а Сергей блаженно растянулся на мягкой стерне, оставшейся после молодой, июньской травы. Ни о чем не хотелось думать, но он все-таки думал о том, что где-то здесь и Настька. Наверное, ходит за волокушей, вилами сбрасывает на нее сено или идет вдоль валка и граблями оставляет за собой маленькие копешки.

И вдруг Сережа вспомнил, что Настька собирается учиться в медучилище. А значит – уедет из Озерных Ключей. А значит...

– Докончим эту полоску, – говорит Ванька, – поедем к Царским Воротам. Там будем вместе с Петькой Золотых грести.

Сергея словно пружиной подбросило.

– Точно?

– Так Мефодий Иванович велел, – пожимает сильными, покатыми плечами Ванька. Потом неохотно спрашивает: – Ну что, поехали?

– Поехали, – отвечает Сергей, с досадой оглядывая все еще большой клин поля, на котором надо сгрести сено.

4

До Царских Ворот они добрались ближе к вечеру, когда длинные тени начали остужать распаренную землю. Васька, заметив их «Универсал», сорвал с головы фуражку и приветственно замахал ею в воздухе, а Петька Золотых тут же переключил передачу и понесся к ним поперек валков. Трактор их был до зависти чистенький, верткий, с непривычно расположенным сзади мотором.

Петька подъехал, заглушил двигатель и веселый, с пышным чубом черных волос, золотой коронкой на переднем зубе, ловко спрыгнул на землю.

– Привет, Ваня! – подал он руку. – Как твой самовар, кипит?

– Привет, – хмуро ответил Ванька и тяжело свалился с трактора.

– Вы давно обедали? – спросил Петька.

– Давненько.

– Давай, перекусим? А потом рванем вон до той березки, – Петька отрезал рукой половину огромного луга. – Нам как раз до ужина хватит.

– Идет, – Ванька пошел к своему трактору за узелком с продуктами.

Есть особенно не хотелось. Но Сергей был рад возможности поговорить с Васькой и отдохнуть.

Мимо них зигзагами порхали бабочки, стремительно проносились сверкающие в солнечных лучах стрекозы, надоедливо жужжали мухи.

– Ты чего руку-то прячешь? – неожиданно спросил Васька, который всегда и все замечал.

– Я не прячу.

– Ври! А ну, покажь...

– Да ну.

– Покажь, говорю! – Васька взглянул на Сережину руку и тут же позвал: – Петь, а Петь, посмотри, как Серега руку уделал...

Петька повернулся и посмотрел – улыбку с его лица как ветром сдуло.

– Ты это что, – уставился он на Ваньку, – не видел, что ли?

– Я ему говорил – тяги надо ослабить, – неприязненно сощурился Ванька.

– Ну ты даешь! Да он откуда знает про тяги? – вскинулся Петька, зло посверкивая фиксой, от которой у первой деревенской красавицы Тоньки голова кругом шла. – Он же первый день на работу вышел... Как он будет у тебя дальше работать? Дать бы тебе, да связываться неохота, но в другой раз, смотри, Козел...

В общем, Ваньке досталось, и он тут же полез ослаблять тяги, а Петька вытащил из-под сиденья новенькие верхонки и протянул Сереже.

– Слышь, Петь, давай я с Ванькой поработаю, – вдруг попросил Васька, – а он с тобой погребет?

– Не надо, – робко возразил было Сережа, с благодарностью глядя на друга, но его никто не стал слушать.

5

Они уже заканчивали грести тот отрезок луга, который определил Петька Золотых, когда на их полоску перебралась женская бригада с вилами, граблями и конными волокушами, в которые большей частью были впряжены быки: коней берегли для уборочной, когда понадобится за восемнадцать верст вывозить хлеб с тока на элеватор. И сразу стало веселее от женских платков, крика, понуканий и разговоров. Кто-то из женщин запел высоким голосом, но тут же оборвал себя, а на смену грянул дружный, залиvistый хохот. Кто-то ругал совсем уже

состарившегося быка Адмирала, едва тащившего за собою легкую волокушу. Сережа, заметив тоненькую фигуру, живее остальных сновашую между валками, выпрямился на мягко пружинившем сиденье, и всю его усталость как рукой сняло. Да что там говорить – он и в самом деле отдохнул на Васькиных граблях, которые были хорошо отлажены, смазаны, а главное – вместо ручки здесь была педаль: надо было лишь слегка подтолкнуть ее ногой.

– Эй, бабы! – крикнул со своего трактора Петька. – Талоны на мануфактуру отменили и в магазин ситец завезли...

– Подь ты, брехло, – с настороженной недоверчивостью отмахнулись от него женщины.

– Не верите? – кричал Петька, боком повернувшись за рулем. – А вон хоть бригадира спросите: Софи Лорен за Тарапуньку замуж вышла.

После этого сообщения женщины облегченно принялись ругать Петьку, а он, оглядываясь через плечо, смотрел на них и весело посверкивал фиксой. Потом, приглушив обороты, неожиданно спросил Сергея:

– Хочешь на тракторе порулить?

Сережа растерялся и потому неуверенно ответил:

– Не знаю...

– Чего ты, боишься? – удивился Петька и остановил трактор. – Иди сюда. – Сережа подошел. – Вот, смотри, – стал показывать Петька, – выжмешь вот эту педаль и включишь вторую скорость, вот сюда. Тут, на схеме, показано. Добавишь газ и потихоньку отпустишь педаль. Понял?

– Д-да...

– Дружок твой, Васька, во всю гоняет. – Петька сверкнул темными глазами и прыгнул на землю. – Когда будешь ехать, смотри, чтобы переднее левое колесо у тебя шло по крайнему следу. Понял?

– Д-да...

– Ну, садись.

Сережа неловко взобрался на сиденье и испуганно замер, не зная, с чего начинать, но Петька стоял рядом, ободряюще улыбался ему, и страх перед громящей машиной постепенно прошел. Он выжал педаль и включил скорость. Когда начал трогаться, двигатель чуть было не заглох.

– Газу! Газу поддай! – прокричал Петька и, перегнувшись, сам рванул ручку газа вниз. – Теперь давай...

Сергей отпустил педаль, трактор сильно дернулся и покотился по полю.

– В следующий раз педаль отпускай плавнее.

Петька шел рядом с трактором, а потом ловко вспрыгнул на грабли и в аккурат успел оставить валок.

Оцепенение, скованность постепенно проходили, взмокшие ладони на баранке просохли, и минут через двадцать Сережа даже рискнул оглянуться на Петьку. Тот кивнул ему, стряхивая на сторону смоляной чуб: дескать, все нормально, жми в том же духе. И Сережа проехал до самого конца поля, а когда надо было поворачивать, Петька на ходу перебрался к нему и помог сделать разворот.

И вот они идут обратной ходкой, а навстречу Ванька Козел на «Универсале», и Сережа видит, как у него «отваливается челюсть» от удивления, а Васька, дергая ручку, показывает ему большой палец и улыбается во весь рот. Перед Васькой Сереже неудобно: ему сейчас приходится тяжело, а Сережа на его тракторе раскатывает... Он оглядывается на Петьку, но тот одобрительно машет ему, сонно поводя глазами. Последующий разворот Сережа выполняет сам. Впервые к нему приходит сладостное чувство власти над машиной, от которого мурашки бегут по спине, а рука непроизвольно давит ручку газа до упора вниз. Он вспоминает, как

очень давно, на катере, Володька Басов дал ему покрутить рогатое колесо – штурвал. Но тогда он кто был – мелюзга и ничего не понял, а теперь...

«Да, учиться надо идти только на тракториста, вместе с Васькой», – решительно думает Сережа, а в это время трактор поравнялся с женщинами. И Сергей вроде бы не смотрит на них, а все-таки видит, как они оглядываются на трактор, что-то говорят, удивленно покачивая головами. Но главное, как на него взглянула Настька! Она даже грабли выронила из рук и что-то крикнула ему, приставив ладони рупором ко рту. Счастливая улыбка до предела растянула его рот, и Сергей долго не мог с нею справиться, со смущенным усердием выравнивая ход вильнувшего в сторону трактора...

А низко над лесом медленно взбухало толстое, белое облако, удивительно похожее на огромный пузатый самовар, из коротенького крана которого вот-вот должна была политься тугая струя воды.

И все еще жара стояла невероятная.

Луна не вынесет разлуки

1

Огромная луна медленно всплывает из-за сопки, и слабые, прозрачные тени от деревьев невесомо ложатся на землю. Рядом с луною, чуть ниже и правее, ярко горит звезда, и Сергей думает, что если уж выбрать себе звезду, то только вот эту...

Отзвенел такой долгий и утомительный день, заполненный работой. Сереже, вымотанному жарой, наглотавшемуся едких выхлопных газов, ни о чем не думалось, только о своем законном месте на верхней полке в углу вагончика. Сережа так хорошо представлял эту свою полку, что однажды привиделось ему, как он тяжело взбирается на нее, долго укладывает голову на жесткой подушке и блаженно вытягивает разопревшие в сапогах ноги. И вот когда осталось лишь закрыть глаза и плыть, плыть по мягким, дурманящим волнам сна, кто-то неожиданно грубо рванул его за плечо. Сергей вздрогнул и моментально проснулся. С недоумением уставился он на разъяренного Ваньку Козлова, который беззвучно открывал и закрывал рот, и лишь мгновение спустя до него дошли звуки.

– ... царя крестителя, – кричал Ванька, – я из-за тебя в тюрьму не хочу!

Сергей оторопело вытаращился на него.

– Пришел работать – работай! – продолжал разоряться Ванька. – Это хорошо, я оглянулся, а так бы что? Кувыркнулся под грабли, и дело с концом...

– Да ты что, Ваня?

– Ничего! Спать не надо на граблях!

– А я разве спал? – с искренним удивлением спросил Сергей.

– Нет, в носу ковырялся... Только учти, ковырялка, еще раз заснешь – к Мефодию Ивановичу отправлю. Пусть он тебя на волокушу ставит погонщиком, а мне другого прицепщика дает. Я за тебя отвечать не хочу.

И только теперь Сергей понимает, что да, действительно, заснул он на граблях. И тут же представляет, как будет с прутиком в руке погонять быка с волокушей – работа для сопливого пионера, – и как все будут смотреть на него, особенно Настька...

– Ва-аня, честное слово, я не заметил.

– А мне-то какая радость с того? – немного тише говорит Ванька и чумазым кулаком утирает чумазное лицо. – Ты не заметил, я не заметил...

– Ва-ань, я больше не буду, – обещает Сергей.

– Спать надо ночью, – уже совсем тихо ворчит Ванька Козлов, – а не по лесу шататься.

– Я не шатался...

– Ладно, видел я, как ты не шатался. – Ванька прав, и Сережа смущенно отводит глаза. – Полоску закончим, – говорит Ванька напоследок, – передохнем малость.

– А сколько сейчас времени? – спрашивает Сергей, спрыгивая с металлической сидухи, на которую брошена старая, мазутная фуфайка.

Ванька достает круглые карманные часы, щелкает крышечкой и важно сообщает:

– Без четверти четыре.

– Всего?! – невольно вырывается у Сергея.

– А ты думал! Солнце-то во-он где, – на всякий случай страшется Ванька, пряча доставшиеся от отца трофейные часы.

Действительно, солнце еще высоко, а кошенине конца и края нет и пока – не предвидится.

2

Но вот прошел этот день, и наступил вечер, с мягкой прохладой, тишиной над полями и редкими барабанными перепевами козодоев. И, казалось бы, вот она, мечта долгого и изнурительного дня – полка в углу вагончика, ан нет... Пожалуй, и силой не затащишь сейчас Сергея в вагончик, а про сон и говорить нечего – исчез, испарился, словно никогда не тяжелил голову, не смыкал чугунной необоримой тяжестью веки. И ведь радость-то какая: те же поля и перелески, тот же тракторный стан с кухонным навесом, прикорнувшие до утра волокуши, грабли и трактора. Вот, разве, луна...

Сергей с Васькой долго плещутся в ручье, с наслаждением остужая разгоряченные тела.

– Уф, – кряхтит Васька.

– Ур-р! – вскрикивает Сергей – вода обжигающе холодна. Потом они по очереди тщательно растираются полотенцем, все еще не успокоенные, готовые в любой момент снова сорваться в холодный ручей.

– А мы, знаешь, чего сегодня придумали? – с гордостью спрашивает Васька.

– Что?

– Петька протянул от рычага граблей веревку и теперь можно грести одному. Знаешь, как здорово! Я почти весь день один ездил. Только шея немного устала – надо все время назад смотреть.

– А я чуть под грабли не упал, – сознался Сергей.

– Да ну! – удивляется Васька. – Как?

– Заснул.

Васька хмурится и серьезно говорит:

– За это тебе надо было по шее дать.

– Я знаю...

– Эй, молодцы! – сердито кликает их бабка Аксинья. – Я долго вас буду ждать? Сейчас ужин собакам выкину!

– Не выкинешь, – негромко откликается Васька, и они идут под кухонный навес.

– Ешьте быстрее, – ворчит на них бабка Аксинья, сторбленно хлопоча у печи, – Мне, наверное, после вас еще посуду надо перемыть, воды в котел натаскать, а завтра в три часа утра уже на ногах быть. Вам-то, олухам, благодать, до четырех часов будете дрыхать, а тут...

Бабка Аксинья совсем состарилась, сморщилась, стала ворчливой, но лучшей поварахи все одно не найти.

Чай в больших эмалированных кружках приносит Настька Лукина. Она ставит кружки на стол и ждет, пока они доедят пшеничную кашу, щедро политую сливочным маслом.

– Настя, спроси их, может, добавку будут? – кричит бабка Аксинья.

– Добавку будете? – спрашивает Настька.

– Не-еа, – в один голос отказываются они.

Настька, и без того смуглая, сильно загорела, и теперь, в темноте, хорошо видно, как у нее блестят зубы и продолговатые белки глаз.

– На-асть, – лениво, в нос, тянет Васька, – а ты куда пойдешь учиться?

Насколько знал и понимал ее Сережа, должна была Настя после этого вопроса высоко вздернуть плечи, презрительно хмыкнуть и ответить примерно в таком духе: «А тебе-то что за дело?» Но вместо этого Настька присела к столу, подперла голову рукой и серьезно сказала:

– Не знаю... Может, в Мальшевку, в медучилище поступлю. Там нынче набор объявили.

– А дальше учиться не хочешь?

– Не-еа, у меня же русский не идет. Куда я с ним?

Подчистив корочкой хлеба алюминиевые миски, они передают их Настьке, и на этот раз не выдерживает, спрашивает она:

– А вы куда надумали?

– Я в училище, на механизатора, – с готовностью отвечает Васька. – А вот куда Серега собирается – не знаю.

– Куда, Сережа? – тихо обращается к нему Настька, перебрасывая тяжелую черную косу за плечо.

– Я еще не решил, – искренне отвечает Сергей.

– Он моряком хочет стать, – не удерживается, язвит Васька. – Моряк – с печки бряк, растянулся, как червяк!

И запрокинув голову, Васька хохочет так, что рыжие заплатки веснушек прыгают по его лицу, готовые вот-вот сорваться и рассыпаться по земле.

3

В этот вечер Сергей встретился с Настькой еще раз...

Сразу после ужина они направились к своему вагончику и устроились подле него на слежавшейся куче сена. Васька добыл из недавно заведенного портсигара с тремя богатырями на крышке тоненькую папиросу «Прибой» и с наслаждением закурил. Синий дым медленно потонул в лунном свете.

– Мой-то опять с Тонькой Русаковой в рёлки ушился, – зевнув, недовольно сказал Васька. «Мой» – это Петька Золотых. Точно так же говорил про своего тракториста и Сергей. – Нагуляется, а потом весь день носом клюет... Ты вот сегодня чуть под грабли не свалился, а мой того и гляди с трактора долбалызнется. Беда, – вздыхает Васька, – чего он в ней, Тоньке-то, нашел?

Сережа не согласен с Васькой: Тоня ему нравится. Высокая, с круглым белым лицом и пронзительно-синими глазами, с ямочками на полных щеках... Но это, конечно же, тайна, и даже другу, Ваське, о ней нельзя говорить. А потому Сережа не возражает, не спорит с Васькой, ни в грош не ставящим Тонькину красоту.

Васька опять зевает, аккуратно заплевывает докуренную папиросу и поднимается на ноги. Сейчас, снизу, особенно хорошо видно, как крепок, ладно скроен Васька. Брюки в полоску, клетчатая рубашка, перешитая из старой материнной юбки, сапоги с побелевшими носами – все ладно и удобно сидит на нем. Может быть, поэтому Васька очень похож на молодого мужичка, хорошо знающего себе цену.

– Что, Серега, пора и на боковую? – спрашивает Васька, стряхивая с брюк сенную труху.

– Посидим еще, – лениво просит Сережа, – в вагончике-то духота.

– Не-еа, я пошел, – говорит Васька, – завтра рано вставать.

И он вразвалочку уходит.

Надо бы идти и Сергею, но никак не оторвать взгляд от огромной, белой луны, круто вдавленной в темное звездное небо. Он так внимательно и пристально смотрит на этот бледный шар, что начинает различать крохотных человечков, медленно передвигающихся по его поверхности...

«Взять бы, – неожиданно думает Сергей, – и улететь туда. Там, поди, золота – горстями гребни. Привезти с собою полный воз и закупить всей деревне шевиотовых костюмов, а себе и Ваське еще и по мотоциклу. Вот бы тогда Настьку на заднее сиденье посадить и с ветерком промчать от Выселок до Озерных Ключей. А еще купить плюшевый жакет бабе Марусе – она как увидит Настькину мать в жакете, так и вздыхает у окна, хмурит морщинками лоб. А если и после этого золота хоть немного останется – купить бы десять кило ирисовых конфет и мятных пряников...»

И Сережа продолжает смотреть на матовый шар, изредка провожая взглядом стремительное падение метеоритов, таинственно летящих ниоткуда в никуда.

Потом Сергей ищет взглядом трассирующий путь искусственного спутника земли, но так и не находит. А вот Кольке Корнилову повезло – он видел. Сергей еще не знает и не может знать, что всего лишь полтора года осталось до полета в космос Гагарина и что не так уж далек тот день, когда на поверхность Луны ступит первый человек...

– Сережа, ты еще не спишь? – удивляется Настька, торопливо шагавшая к своему вагончику.

– Нет... А ты?

– Я бабке Аксинье помогала.

– А мне что-то спать не хочется...

– Тогда знаешь что? – вдруг оживляется Настька. – Сходим в лес за растопкой?

– В лес?

– Ну да... А то я одна боюсь.

– Ладно, пошли, – неожиданно для себя соглашается Сергей.

4

Они не спеша пересекают выкошенный луг, в самой середине которого стоит стожок душистого июньского сена. Легонько шуршит под ногами успевшая пожелтеть стерня, далеко в болотах задуманно вскрикивает выпь. Все кажется сказочным и волшебным в белом сиянии луны, и они, проникаясь окружающей красотой, неподвижной томительностью воздуха, далеко окрест видимыми просторами, невольно сдерживают дыхание, боясь что-то нарушить или стронуть с места.

Смутное беспокойство, тайный восторг входят в Сергея, и он с большим трудом сдерживает желание кувыркнуть через голову, а уже вскоре погружается в тихое сожаление, что нельзя, невозможно идти и идти вечно, медленно поднимаясь до самых звезд...

Они замерли, невольно схватившись за руки, когда из-за стожка неожиданно выкатился почти круглый серый ком и широкими неторопливыми скачками покотился к лесу.

– Заяц, – прошептал Сережа.

– Ага, – эхом откликнулась Настя.

– Нас напугался, – провожая косога взглядом и не зная, что делать с теплой Настинной рукой, сказал Сергей.

– Напугался...

– Как он... уши-то от страха прижал, – говорит Сергей, потому что не хочет молчать, все более волнуясь от ее близости, дыхания, которое легонько обдувает его щеку, от молчаливой покорности, с которой она до сих пор не отбирает руку.

– Сережа, – едва выдыхает Настька.

– Что? – вмиг пересохшими губами, едва ворочая языком, откликается Сергей, теперь уже и плечом чувствуя беспокойное, странно волнующее его Настино тепло.

– Мне страшно...

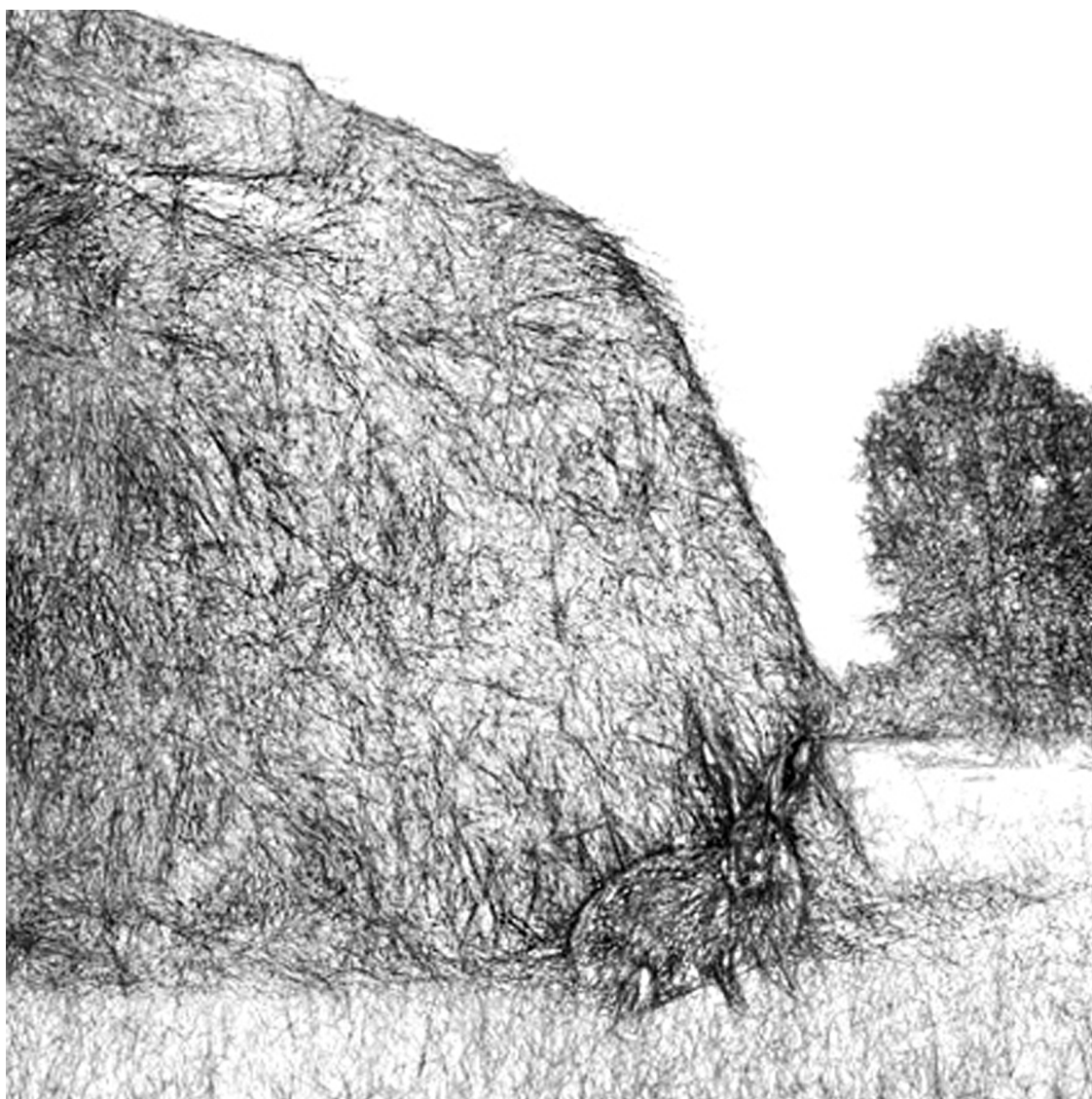
– Страшно? – говорит он и смеется от своего голоса. – Ты что, зайца испугалась? Во даешь!

И руки их сами собой разъединяются.

– Он же не кусается, заяц-то, – восторженно глупея, говорит Сергей и вдруг замечает, что Настька едва приметно и совершенно незнакомо ему улыбается.

– Ты чего? – настораживается Сергей.

– Хорошо, что зайцы не кусаются, – тихо смеется Настя, поворачивается и медленно идет к лесу, таинственно темнеющему впереди.

5

В лесу тени от деревьев причудливо переплелись с белыми полосами света. «Похоже на тельняшку», – вдруг решает Сергей, но Настьке об этом не говорит.

Они не сразу находят березу с отставшей от древесины корой и некоторое время идут вдоль опушки, незаметно для себя углубляясь в лес. Но вот, наконец, им попадается то, что они искали: старая, сморщенная береза с многочисленными черными рубцами и засохшими нижними ветвями. Кора с нее свисает лохмотьями, словно бы кто-то специально для них постарался.

– Во, – шепчет Сергей, – тут целый мешок можно набрать.

– Зачем? – тоже шепотом спрашивает Настя. – Нам немного, только на растопку.

– А завтра опять идти, да?

– Ну и что...

Они живо обдирают кору и складывают ее в общую кучу. При этом Сергей непроизвольно следит за тем, чтобы как-нибудь нечаянно не столкнуться с Настькой.

– Слышь, Сережа, – Настька испуганно оглядывается по сторонам, – а вдруг тут кто-нибудь есть?

– Кто?

– Ну, мало ли кто... Бандиты с прииска сбежали или шпион с парашютом прыгнул.

По Сережиной спине медленно и горячо ползут мурашки. Он тоже оглядывается, но, пересиливая себя, как можно небрежнее отвечает:

– Подумаешь...

Но лес сразу же становится таинственно-враждебным и неудобным. Спустя несколько минут Сергею уже чудится чей-то хищно сгорбленный силуэт за черемуховым кустом. Он старается не смотреть в ту сторону, но глаза, как железку магнитом, притягивает к кусту, и Сергей как бы невзначай подбирает увесистую палку. Он бьет ею по стволу березы и от глухого удара немного успокаивается, с нетерпением поглядывая на подбирающую кору Настьку.

Наконец-то они выходят из-под сумрачного покровы леса, и Сергей едва сдерживает желание оглянуться назад. Все чудится ему, что кто-то пристально и упрямо смотрит им в спину. Однако вот уже и стог сена, впереди темнеют вагончики полевого стана, в которых беззаботно спят намажавшиеся за день люди. Спит и Васька, спит и, наверное, видит уже десятый сон...

У стога Настька неожиданно роняет бересту, белыми бабочками разлетевшуюся по высокой стерне. Она живо опускается на колени и торопливо собирает ее, а Сережа стоит и смотрит на трогательно-белую Настькину шею, плавно вытекающую из плеч. В широкий ворот кофты видны ее выпирающие лопатки и темная, притягивающая взгляд, ложбинка между ними. Сергей напряженно затихает, не в силах отвести глаза в сторону. Он уже десять раз проклял себя за то, что согласился пойти за дурацкой берестой, сейчас ругает – в одиннадцатый...

– А правда, Сережа, что ты в мореходку поедешь? – поднимает голову и снизу вверх смотрит на него Настька.

– Правда, – хрипло отвечает Сергей, и теперь уже бледные истоки маленьких Настинных грудей попадают ему на глаза, гипнотизируя трогательно беззащитностью. Он отворачивается и сердито думает, что Настька стала какой-то неудобной, что рядом с нею тяжело – постоянно приходится быть начеку.

– И что ты там потерял, в мореходке? – спрашивает Настька, поднимаясь с берестой на руках.

– Учиться буду, – смотрит под ноги Сергей.

– Утонешь еще.

– Не утону.

– Ну так пьяные где-нибудь прибьют...

Настька, упруго переставляя крепкие, круглые в икрах ноги, медленно идет впереди, время от времени оглядываясь на Сергея, и в лунном свете горячо блестят ее черные глаза. Лишь у вагончиков он догоняет ее и с молчаливым выжиданием смотрит в темные проталины глаз.

Пора расходиться, но что-то мешает бросить небрежное «пока», повернуться и уйти, может быть, луна, безгрешно и светло заглядевшаяся на них, может быть, тишина, легким звоном отдающаяся в ушах.

– Ты почему молчишь? – тихо спрашивает Настя, исподлобья взглядывая на Сергея.

– А что говорить? – так же тихо откликается он.

– Соври что-нибудь, – и опять она едва заметно улыбается, кося на вагончик глазами. –

Или не можешь?

– Могу...

Сергей начинает тяжело дышать, потом делает шаг и неожиданно для себя обнимает Настьку за плечи. Он тут же закрывает глаза, бог знает чего ожидая в ответ, но Настя тихо

затаивается у него в руках, и он лишь чувствует, какая гибкая у нее спина, а вслед за этим слышит необыкновенно жаркую теплоту ее губ, пропахших лесом и луной.

Верный

1

Утомительно жаркий и душный день, в самом начале которого уже думается о спасительной прохладе вечера...

Сережа лишь вчера вернулся с покоса и все утро перебирал на своей этажерке книги и тетради, слегка подзабытые им на сенокосе. Наконец он взял в руки зеленый томик стихов Сергея Есенина. Интерес к этому поэту в школе не одобряли – он воспевал пережитки прошлого. Было время, когда Сергей даже стеснялся того, что он тезка с этим поэтом. Но вот он взял томик, открыл наугад и...

*Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари...*

Мягкая грусть вошла в самое сердце Сережи, он прикрыл глаза, а затем вновь прочитал:

*Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.
Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется – на душе светло.*

И опять Сергей прикрывает глаза, а потом в недоумении смотрит на обыкновенные печатные строчки, силясь разгадать их секрет. В самом деле, не от давно же привычных букв, составленных в простые слова, легкий озноб проходит по телу, а на сердце становится светло и грустно, словно бы опять они с Настькой медленно бредут по колкой стерне и луна молча шагает за ними, пластаясь впереди узкими и длинными тенями. Сергей вновь и вновь перечитывает строки, силясь проникнуть в тайну их очарования, но так и не справившись с этим желанием, перелистывает страницы. И опять непонятная сила словно бы давно знакомых, но только теперь узанных строк:

*Несказанное, синее, нежное...
Тих мой край после бурь, после гроз.*

– Сережа, ты дома? – заглядывает в горницу баба Маруся, и он с трудом отрывается от книги. – Вот и хорошо, – баба Маруся, вытирая руки о фартук, заходит в горницу. – Там, со стороны протоки, плетень прохудился. Ты бы, внучек, поправил его, а то деду нашему все некогда. Он, наверное, скоро на своей конюшне и ночевать будет. А куры у меня весь огород перерыли – не успеваю гонять.

– Поправлю, баба, – Сергей все еще не может уйти от стихов Есенина.

– Я смотрю, – пристально вглядывается в него баба Маруся, – ты за сенокос ровно бы подрос.

– Скажешь тоже, – смущенно пожимает плечами Сергей.

– Нет, правда. У тебя и голос изменился – огрубел... Эх, – вздыхает баба Маруся, горестно смыкая губы, так что вокруг рта собираются морщинки, – увидела бы тебя твоя мама. А уж как она мечтала о том, когда вы подрастаете, станете большими. Самой-то едва за тридцать перевалило, еще жить бы да жить, не объявись у нее эта лихоманка. И за что, Господи,

за что?! – бабушка плачет и сквозь слезы говорит: – В школе все ее любили – детвора так и вилась вокруг ее, дома тоже хозяйкой была хоть куда... Первая село озеленять взялась, весь народ на это дело подняла. И так-то вот с девчонок малых всегда впереди, всегда с людьми хорошими, а ей за это...

Бабушка уже не может говорить и лишь горестно взмахивает рукой, уткнувшись лицом в фартук. Сережа, сам едва сдерживаясь от слез, поспешно выходит на кухню, а потом шумно выбегает в сени и там, туго сжав кулаки, угрожающе смотрит в угол, где мерещится ему чей-то злорадный лик, имеющий какое-то отношение к материной смерти...

2

На улице его встречает Верный. Он уже давно вышел из того возраста, когда с восторженным лаем бросался Сергею на грудь, непременно норовя лизнуть если не в лицо, то куда-нибудь в шею. Теперь Верный остепенился и если что позволял себе, так это сделать короткую стойку на задних лапах, чтобы заглянуть хозяину в глаза и узнать его настроение. На этот раз, соскучившись по собаке за недельную отлучку, Сережа подхватил Верного за передние лапы и немного провел по двору. Верный, несколько смущенный странностью своего положения (в самом деле, не в цирке же он), помигивал белесыми ресничками, легонько упирался, скашивая ореховые зрачки и облизывая розовую пасть с уже пожелтевшими тонкими зубами.

Сергей вспомнил, как однажды, еще сопливым подростком, он самовольно пошел по зимнему лесу к бабе Марусе в Выселки. Встретив свежие следы, он почему-то решил, что здесь только что пробежал заяц и захотел посмотреть, где он спрятался. Он шел и шел по следу, а когда спохватился – он уже стоял посреди тайги, со всех сторон окруженный вековыми деревьями. Испугавшись, он решил поскорее выбраться на дорогу и торопливо зашагал напрямую, проваливаясь по пояс в снегу. Ему стало жарко, он выбился из сил, а дороги все не было видно. Он остановился передохнуть и тут же замерз. И снова пошел, и снова выбился из сил, барахтаясь в снегу. А красное солнце уже опускалось за деревья, птицы попрятались на ночлег, и только он один едва брел по враждебно притаившемуся лесу. Однажды он сел прямо в снег и решил самую малость поспать, потому что от усталости у него слипались глаза. И вот когда он уже засыпал, увидев себя на теплой бабушкиной печке, в конце поляны появился маленький, рыжий ком. Он с трудом разлепил глаза, узнал Верного и заплакал. А мама в тот раз сказала, что Верный спас его от смерти, отыскав среди леса...

– Верный, – Сергей присел на корточки и обнял пса за шею. – Верный мой...

Собака притихла и лишь возле уха Сергей ощущал ее мокрое дыхание.

– Ты уже старенький, да? Конечно, старенький. Даже кур теперь не гоняешь... Ну и молодец!

В это время вылетели из пригона голуби и нерешительно расположились невдалеке, ожидая нечаянного корма.

– И вы здесь? – обрадовался Сергей, отыскивая глазами любимого сизаря. – А куда делся Ворчун? – так он называл сизого с белыми подкрылками и брюшком голубя за то, что тот любил поворковать, срываясь в это занятие даже среди зимы. – А не на яйцах ли он сидит? – удивился Сергей и побежал в пригон.

Ворчун действительно сидел в ящике и недовольно уркнул, когда Сережа протянул руку и пальцем погладил его по теплой, костистой голове.

– Молодец! – ласково похвалил голубя Сергей.

Он заглянул и в другие гнезда, подсчитывая будущих голубят, и вместе со старыми у него получилось шестнадцать голубей. И ему вдруг вспомнилось, как однажды он прибежал из школы, привычно выхватил из теплого дыхания русской печи чугунок со щами, навалил себе в миску и принялся за обе щеки уминать. Вошла с улицы баба Маруся, сполоснула под

умывальником красные с мороза руки и как-то странно спросила его: «Ну как, внучек, вкусные сегодня щи?» – «Ага!» – с полным ртом довольно ответил Сергей. «Ну, кушай, кушай», – сказала бабушка и, достав с печи похожую на лопату с кривым черенком прялку, стала тянуть из комка овечьей шерсти бесконечную нить. А когда он поел и двинул миску от себя, бабушка, опустив руку с веретеном, тихо сказала: «Я ведь, Сережа, сегодня двух голубей в щи пустила». Он онемело вытаращился на нее, потом перевел взгляд на пустую миску, вспомнив белое и необыкновенно нежное мясо, и опять взглянул на бабушку, не в силах поверить услышанному. Она отвела глаза, глубоко вздохнула и устало заговорила: «А как ты думал, Сережа, есть-то надо. На трудовень опять ничего не вышло... Лук продали, костюмчик тебе к школе купили, деду сапоги... А их у тебя вон сколько развелось – полон двор. Их же, внучек, кормить надо. Они, поди, не меньше кур жрут-то... А где мы им корма наберемся? Вот и рассуди...» Но он тогда не хотел рассуждать. Он выскочил из-за стола, с ненавистью глянул на бабушку и убежал на сеновал, уверенный в том, что никогда не забудет и никогда не простит ей этого... Забыть – не забыл, а вот простить? Простила бы она ему ту давнюю дурацкую обиду...

Верный подждал его, легонько поскуливая от нетерпения и поглядывая на улицу. Сергей потрепал пса по шее, подумал и отпустил с привязи. И опять припомнилось ему, как совсем маленького кормила его мама из бутылочки с соской. Щенок громко чмокал и с рыжей шерстки капало у него белое молоко. Потом, надувшись до отвала молока и став почти круглым, покрхтывая от натуги и смешно переваливаясь на коротких лапах, он с трудом вскарабкался на теплую грелку и тут же засыпал. «Почему он во сне лапками дергает?» – спросил Сережа у мамы. «Наверное, он гонится в это время за зайцем», – засмеялась мама, и Сережа тоже громко рассмеялся, представив, как маленький, рыжий щенок, уютно сопящий на грелке, бежит по лесу за длинноухим зайцем.

3

На огороде жарко. Сразу за плетнем знойный воздух струится зыбким маревом. Лес и то приморенно затих, изнывая от жары. И только от ближней рощи, что за Ванькиной протокой, тянет медовым ароматом: во всю силу зацвела липа...

А все одно – сказочная это пора. Луга и перелески нарядно запестрели яркими цветами. Особенно жарко пылают кумачовые огоньки, золотятся красnodневы, белыми проплешинами рассыпался лабазник, а между ним взметнула к небу голубые стрелы вероника. Нежно и трогательно розовеют валерьяна и иван-чай, синеют ирисы, празднично пестрят цветки мышиного горошка.

С каждым днем затихают птичьи хоры: увы, уже пропеты свадебные песни, а теперь лишь кое-где допеваются колыбельные. На телефонных проводах отдыхают «разговорчивые» семейства ласточек, а в лесу с шумом перелетают выводки повзрослевших рябчиков. В травяных, укромных озерах резвятся подросшие утята, гоняясь по тихой водной глади за болотными мошками. Им и невдомек, что для родителей наступила самая трудная пора – линька, из-за которой им целыми днями приходится беспомощно укрываться в самых густых зарослях травы и камыша...

Задельвая дыру в плетне, Сережа так увлекся, что не заметил, как к нему со стороны базы подошел дед. Разглаживая пышные рыжие усы, он некоторое время молча наблюдал за работой внука, а потом потихоньку кашлянул и улыбнулся, когда Сергей от неожиданности вздрогнул.

– Что, нашла тебе бабка работу? – добродушно спросил дедушка, отворяя калитку и входя на огород. – Я все собирался заделать эту дыру, да то посевная, то сенокос начался – кони нарахват, и только следи, чтобы какую совсем не угробили.

– Я сделаю, деда.

– Вчера Мефодий Иванович молоденького жеребчика чуть не загнал. Примчался с покоса и бросил его у правления, а жеребчик подхватился и к озеру. У него с боков пена клочьями летит, и напейся он в тот час – конец бы верный ему был, язвы в душу. – Дед достает портсигар, красный мундштук и, вставив в его прокуренное до черноты отверстие половинку «Памира», закуривает. – Как на покосе-то, не умаялся?

– Что ты, деда! Знаешь, как там здорово было! Мы с Петькой Золотых соревновались, и они нас только чуток обошли. Да и то: у них трактор новый, грабли ножные...

– Сено-то хоть хорошее собрали? – дед серьезно смотрит на Сергея из-под широких, рыжих бровей.

– Хорошее, в самый раз сено, – солидно отвечает Сергей.

– Посмотрим, как его лошади будут зимой жевать... Ты уже обедал?

– Нет.

– Тогда пошли?

– Да мне тут закончить немного осталось.

И в это время со стороны дома доносится резкий щелчок, словно бы переломили сухую доску, а следом за ним отчаянный собачий лай.

– Что это?

– Не знаю, – хмурится дед и по тропинке направляется к дому.

В это время Сергей видит, как из-за крайней избы тетки Паши Хрущевой выныривает широкая повозка, в которой сидят несколько взрослых мужиков, и уже затем слышит сердитый голос бабы Маруси.

4

– Вот же ироды проклятые! – ругается баба Маруся. – Чуть было и меня не застрелили... Я вот тут стою, а Верный здесь, – показывает она деду...

Темная полоса тянется по ограде к собачьей будке. Сережа, боясь поверить в случившееся, медленно идет к ней. Верный, не сумев спрятаться в конуре, вытянулся перед самым входом и смотрит на подходящего хозяина расширенными от боли, виноватыми глазами. Склонясь над ним, Сергей тихо, дрожащим голосом позвал:

– Верный, Ве-ерный...

Собака тихо заскулила и попыталась лизнуть его руку. Сережа присел на корточки и неожиданно увидел, как что-то розовое, теплое и мокрое выглядывает из-под его живота. Он невольно вздрогнул, покрываясь холодной испариной, а глаза сами собой метнулись в сторону.

– Ну, как он там? – спросил дед.

Сережа выпрямился и молча отступил в сторону.

– Ах, кур-рва! – вырвалось у деда. – Как они его...

И эти слова словно бы подстегивают Сергея. Он хватает свой велосипед и бросается на улицу.

– Куда ты, малахольный?! – растерянно кричит баба Маруся, но он уже вспрыгивает на седло и изо всех сил давит на педали, ничего не видя перед собой.

Теперь Сергей уже не замечал жаркий полдень, мелькающие на обочине деревья, многообразную роскошь трав, он только все жал и жал на педали, сосредоточенно устремленный вперед. За одним из поворотов Сергей неожиданно близко увидел повозку. Три мужика, сидевшие в ней, тоже заметили его, задергали вожжи, поторапливая коня.

Поравнявшись с повозкой, Сережа ухватился за нее рукой и с ненавистью глядя на удивленных мужиков, срывающимся голосом спросил:

– Вы з-зачем... с-собаку нашу... убили?

Мужики переглянулись, и самый здоровый из них, с крупным горбатым носом, скороговоркой ответил:

– Чего? Чего буровишь-то?

– Собаку зачем застрелили? – повторил Сергей.

– Знаешь что, малец, кати – куда катил! – не поворачивая головы, сказал сидевший в передке мужик. – Никакой собаки мы не знаем.

– Как это – не знаете? – опешил Сергей.

– А вот так...

– Вы же стреляли в нее и не знаете теперь?

– Ну и что? – вдруг снова заговорил горбоносый. – Пусть не шляется по улице... Собак надо на привязи держать.

– Он с ошейником был! – срывающимся голосом крикнул Сергей. – Рядом с бабушкой... Вы и ее чуть не застрелили!

– Но-но, не болтай лишнего! И катись отсюда, – горбоносый потянулся и хотел было оторвать руку Сережи от повозки, но он, бросив руль, не помня себя от бешенства, ткнул кулаком ему прямо в лицо, в близко к носу посаженные глаза.

– Ах ты, мать-перемать, – заругался горбоносый. – Гнида паршивая, еще руки распускать!

Он схватил Сергея за плечо, рванул к себе и сильно ударил. Сергей, вместе с велосипедом, полетел на землю. Не чувствуя боли, он тут же вскочил, подобрал валяющийся на земле камень и бросился за повозкой. «Гад! Гад! Гад!» – только одно это проносилось в его мозгу.

Там, в повозке, достали кнут, и лошадь понеслась вскачь. Сережа постепенно отставал, задыхаясь от слез и бессильного гнева. Потом, неожиданно споткнувшись, упал на дорогу и стал колотить по ней кулаками.

Жарко припекало полуденное солнце. Невысоко над землей косо планировали стрекозы, слюдяными блестками крыльев посверкивая в воздухе. Беззаботно порхали бабочки, словно бы щеголяя друг перед другом красочными нарядами. И никому не было дела до раненой собаки и исходящего горем Сережи на теплой и большой земле.

5

– А кабы они в тебя пальнули? – говорит баба Маруся, прикладывая к Сережиному глазу тряпочку, смоченную в травяном настое.

– Еще чего, – хмуро отвечает Сережа.

– Пальнули, и поди узнай, кто они такие, – продолжала ворчать баба Маруся. – А я потом что твоему отцу сказала бы? Держи тряпочку-то, держи вот так, – показывает бабушка, – а то синяк на все лицо расплывется... Такие люди все могут сотворить, раз уж на домашнюю собаку, да еще при мне, ружье подняли. А ты подхватился, полетел... Герой!

– Пусть бы они просто так уехали, да? – сердито спрашивает Сергей. – А потом еще стреляли, да?

– Да разве можно одному на такие дела идти? Я вот о чем хочу тебе сказать, – сердится и бабушка, – чтобы на будущее тебе наука была. А не то и в самом деле прибьют где-нибудь. Это тебе не Васька с Петькой – с ними ты на дню три раза рассоришься, да три раза и помиришься. А это – чужие люди, понимать надо...

Наконец Сережа выходит во двор. Он осторожно приближается к будке, и Верный, почуяв его, начинает тихо скулить, виновато взглядывая покрасневшими, слезящимися глазами. Сергей осторожно гладит собаку по голове, а от нее так и пышет жаром.

– Уж лучше бы совсем убили, – говорит баба Маруся, проходя с ведром к поросенку. – Теперь намучается, пока издохнет.

– А если ветврача позвать? – с надеждой спрашивает Сергей и вспоминает отца.

– Да какой же тут врач поможет, – вздыхает бабушка, – если у него кишки наружу. Такой сторож был, чуть чего и зазвенит, как колокольчик. А теперь-то где еще такого сыщешь?

– Верный, Верный, – чуть не плачет Сергей от бессильной жалости к собаке, прожившей рядом с ним почти десять лет. – Как же ты, Верный?

Он боится смотреть на собачий живот, боится представить, что там может быть... А уже крупные, зеленые мухи упрямо кружатся над Верным, лезут ему под бок, разбрызгивая крыльями слежавшуюся во дворе тишину.

Сергей уходит на огород и там садится на старые перевернутые сани. Его мучает вина перед собакой, которой он не в силах помочь, ему не дают покоя три сытые, злорадные рожи, которые он увидел в повозке. Он пока еще не может до конца постичь несправедливость, с которой столкнулся сегодня, и которая еще не раз достанет его... Впрочем, постичь ее до конца разве возможно?

А на распаренную за день землю опускается запоздалый вечер. Спадает нестерпимый зной и облегченно переводит дыхание все живое на земле. Громче и отчетливее стрекочут кузнечики в траве, на болотах начинаются лягушачьи концерты. Встречая вечер, в прибрежных зарослях Безымянки мерно ухает козодой...

Верный, убаюканный прохладой, в последний раз тяжело вздыхает и судорожно вытягивается израненным телом за своей конурой.

Школьный учитель

1

Тихо, неприметно глазу подкралась середина лета, его макушка. Дни порядком убавились, но продолжала изнурительно полыхать июльская жарень-жара. По приамурскому желтому песку невозможно пройти босиком – нестерпимо обжигает ступни и хочешь не хочешь, а приходится длинными скачками нестись к траве, к ее мягкой, шелковистой остуде.

Не спасала от жары и мутная амурская вода, насквозь прогретая солнечными лучами, теплая, как парное молоко. Пока ты в реке, пока кувыркаешься и ловкими саженками уносишься от берега – вроде бы хорошо, а стоит выйти из воды, как уже вновь нечем дышать. В эти дни единственное прохладное место – глубокий погреб, в котором хранились картошка, квашеная капуста в бочонке, помидоры и огурцы. Сергей нет-нет, да и занырнет в спасительную прохладу, ухватит помидорину из бачка и наслаждается колючим облачком, ударяющим в небо от раздавленной на зубах солонины. Хор-рошо-о... А баба Маруся уже ворчит: «Смотри, ты мне все запасы сгноишь, а до новых еще жить да жить».

– Это я сгною! Почему? – кричит из подполья Сергей.

– Потому, – отвечает баба Маруся. – Крышку открыл, а туда теплый воздух и нашел... Я на птичник побежала, так ты не забудь покормить в обед поросенка и телку попить снеси, слышишь?

– Слышу, баба... Сделаю, – Сергей ухватывает маленький огурчик, отправляет его в рот и, согнувшись в три погибели, идет к люку.

– Сегодня опять комбикорм не подвезли, и в корыта к курицам хоть сама ложись, – жалуется баба Маруся. – Вот плюну я на все это и уйду, сил моих уже нет...

Бабушка громко хлопает дверью. Сережа невольно улыбается – никуда его баба Маруся не уйдет. Поворчит, поворчит и будет дальше работать на своем птичнике.

2

Как-то поплыл Сергей на оморочке в Ванькину протоку, заготовить удилица из тальниковых прутьев. Тщательно выбирал длинные и прямые талины, постепенно уходя от протоки, пока не наткнулся в небольшой, укромной заводи на сказочный цветок – лотос.

Было раннее утро. Огромные листья, очень похожие на продолговатые зеленые чаши, слегка приподнимались над водой и едва приметно глазу колебались от легчайшего ветерка. В томительной тишине глухо падали в воду взблескивающие в молодых солнечных лучах искристые капли. А между этими огромными листьями, в самом их центре, горделиво возвышались крупные розовые цветки, отдаленно напоминающие садовые пионы.

Завороженный Сергей осторожно присел на корягу, разглядывая необычный цветок. Когда солнце поднялось чуть выше, лепестки приоткрылись сильнее, заметно увеличились и, качаясь на окрепшем ветерке, неожиданно начали менять окраску. Они то пронзительно голубели, отражая высокое небо, то казались алыми, потом светлели и вновь заволакивали заводь розовым полыханием. И все это продолжалось бесконечно, лишь изредка падала на один из листьев стрекоза, да чертили дорожки водяные жуки.

«Вот бы Настьке показать», – подумал Сергей и тут же с горечью вспомнил, что она уехала поступать в медучилище.

Наконец он поднимается с коряги, еще некоторое время смотрит на лотос и медленно возвращается к Ванькиной протоке, пересекая старицы с позеленевшей от мелких водорослей

водой. Но лотосы, такие одинокие и невыразимо трогательные в этом своем одиночестве, все стоят у него перед глазами...

3

Дома Сергея поджидал Виталий Степанович. И без того смуглый, молодой школьный учитель под щедрым июльским солнцем загорел до черноты.

– Здравствуй, Сережа, – поднялся он навстречу, протягивая руку и весело разглядывая своего ученика необычайно живыми карими глазами.

– Здравствуйте! – обрадовался Сергей, польщенный появлением учителя в доме.

– Ну и возмужал же ты, брат, вырос, – Виталий Степанович довольно засмеялся. – Меня тут твоя бабушка молоком с каральками угостила. Вкуснота-а!

– А я вот за удилищами ездил, – пояснил Сергей.

– Тоже надо, – кивнул учитель, тонкими, нервными пальцами музыканта барабана по кухонному столу.

И вдруг Сережа оживился:

– Знаете, что я сейчас видел?

– Скажешь – буду знать.

– Лотос!

– Да ну?! – учитель присвистнул и озорно оглянулся – не слышала ли бабушка?

– Честно! Вот такие листья, а над ними цветок. Их много там – красотища!

– Ну, брат, это ты должен мне показать, – решительно заявил Виталий Степанович, и глаза у него азартно загорелись.

– Пожалуйста, – обрадовался Сергей. – Хоть сейчас.

– Тогда пошли...

Виталий Степанович долго не решается сесть в оморочку, с сомнением поглядывая то на утлую лодчонку, то на Сергея, горячо уверяющего, что на ней можно хоть вчетвером плыть.

– Я, конечно, тебе верю, – заявил Виталий Степанович, – но если ты меня искупаешь, не обессудь – взыщу с тебя за новые брюки.

– Не искупаю... Вы только вот сюда садитесь, ровно посередине, чтобы равновесие было.

Наконец они бесшумно заскользили по зеркально гладкой Ванькиной протоке. Виталий Степанович, постепенно освоившись в оморочке, но все еще цепко державшийся за борта, удивленно говорил:

– Никогда бы не подумал, что на этом можно плавать. У нас на Азовском море настоящие шлюпки, у них бока – вот такие, – увлекшийся учитель широко развел руки, лодчонка вздрогнула, и он тут же мертвой хваткой вновь вцепился в борта. – Нет, брат, я молчу...

– Да ведь ничего страшного, – не сдержавшись, смеется Сергей.

– Может быть, может быть, но мне как-то не хочется испытывать судьбу, – внимательно смотрит на темную воду учитель и надолго умолкает.

4

Виталий Степанович даже и не пытался скрывать свой восторг, когда увидел расцветшие лотосы. Он восхищенно разводил руки, качал головой, прицокивал языком, а потом признался:

– Я ведь впервые цветущие лотосы вижу... Это, Сережа, всем цветкам цветок! Его изображение нашли на древних монетах, на стенах и арках, на египетских гробницах и каменных барельефах тысячелетней давности... Спасибо, Сергей, спасибо большое, что ты мне эти цветы показал. – Виталий Степанович вдруг чертыхнулся: – Хотел же я фотоаппарат взять, а потом

поленился тащить его в этакую жару. Вот же чугунная голова, – хлопнул он себя по затылку и засмеялся.

– А вы в другой раз приходите, тогда и сфотографируете.

– Придется так и сделать... Это ведь, дорогой брат Сергей, цветок-легенда. В Индии он слывет священным растением, цветком благополучия и счастья. Хорошее цветение лотоса в Ниле считается у египтян предвестником богатого урожая. До ледникового периода он рос почти всюду, забрался даже далеко на север...

И Виталий Степанович прочитал Сергею целую лекцию, словно бы специально готовился к сегодняшней встрече с лотосом. Чего только не узнал Сережа про чудо-цветок, на который раньше особого внимания не обращал. Оказывается, в Индии и Китае лотос едят да еще и нахваливают, готовят из него ценные лекарства. В пищу в основном идут толстые ползучие корни. Их размалывают в муку, едят свежими, поджаренными или вареными. Съедобны и семена лотоса, а вот черешки и проростки – ядовиты: в них находится яд нелумбин.

– И вот, дорогой брат Сережа, – улыбаясь, говорит осовевшему от удивления Сергею школьный учитель, – мы с тобой имеем редчайшую возможность лицезреть древнейшее растение земли, возникшее на планете миллионы лет назад. Я в свое время два года ходил в ботанический кружок, а потом бросил, увы... Но, как говорится, наш брат глазам не верит: сорвем по одному лотосу на память? Через несколько дней все одно цветы пропадут...

Сергей, сбросив штаны, с готовностью полез в воду и сорвал два красавца-лотоса, летучим холодком обдавших кожу на ладонях.

– Какое чудо! – восхищенно уткнулся носом в цветок Виталий Степанович. – Мы дарим женщинам банальные розы и тюльпаны... Вот что надо выращивать, брат Сергей, и дарить нашим женщинам на Восьмое марта. А что же ты оба цветка мне отдаешь? Возьми, подаришь бабушке, она будет довольна.

Потом, когда уже возвращались на оморочке в Выселки, Виталий Степанович неожиданно сказал:

– Вот что, брат Сергей, заходи ко мне в гости. Ты знаешь, где я живу?

– Знаю.

– Вот и заходи. У меня баян есть, я тебе на нем поиграю. В шашки срежемся. А то мне тут одному что-то скучновато... Потом, слышал я, ты вроде как стихи пишешь? Так вот, может, как-нибудь почитаешь? Да и вообще, брат Сергей, двум мужчинам всегда найдется об чем потолковать, как справедливо говорят у меня на родине, в Армавире... Зайдешь?

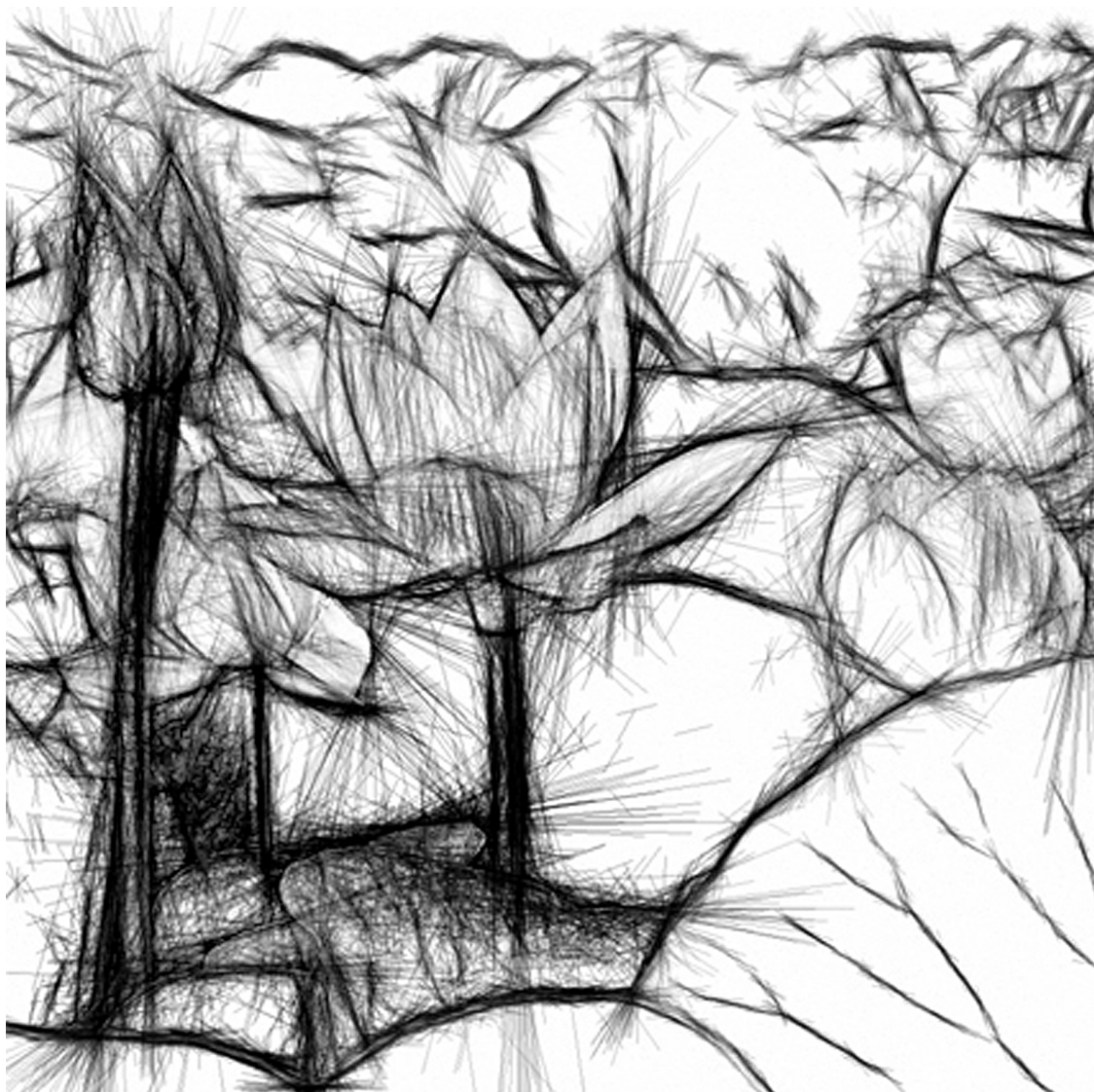
– Зайду, – несколько смущенный этим неожиданным вниманием, ответил Сергей.

– Вот и отлично! Я свою квартиру на замок никогда не запираю. Так что если меня не будет – смело входи, чай пей, книги смотри...

И так горячо и напористо все это говорил Виталий Степанович, так весело и дружелюбно смотрел на Сергея, что он внезапно решил – сегодня появился у него настоящий взрослый друг, которого он будет любить и помнить всегда, до самой смерти.

– Значит, договорились, брат Сергей? – прощаясь и крепко пожимая руку, сказал Виталий Степанович. – В любое время жду тебя в своем доме.

– Договорились, – Сережа ответил на крепкое рукопожатие.

5

Очень понравился Виталий Степанович бабе Марусе. Понравился вежливым обхождением, простотой, ученостью.

– Ишь ведь, не погнушался к своему ученику зайти, за ручку с ним поздороваться, – говорила баба Маруся. – Сразу видно, что человек он образованный, старших уважает, перед младшими не заносится...

– Он меня в гости к себе пригласил, – не удержался, похвастался Сергей.

– Да ну! – баба Маруся даже тесто в квашне бросила месить. – Это за что же честь тебе такая?

– Не знаю.

– А ты съезди, проведай, – решила баба Маруся. – Раз зовет – надо съездить. Долго ли тебе на лисопеде.

– Я и так собираюсь.

– Ну и слава богу... Что-то я сегодня расхворалась – спина отнимается совсем. Утром едва-едва на птичнике управилась. Если бы ты мне вчера воды не наносил – не знаю, как бы я там обошлась... Ох, Сережка, уработались мы в войну, вряд ли и до пенсии дотянем, – вздыхает баба Маруся и локтем убирает с лица тонкие, изрядно поседевшие волосы. – Как вспом-

нишь зимние холода, а у нас ни одежды, ни обуви... Ребятишки валенки по очереди носили. Мамка твоя, маленькая была, помощница... Приду с базы домой – все перемыто, за скотиной убрано... Тоже, Сережа, досталась ей жизнь! Кабы не война, может и до сих пор жила себе да жила, – горько говорит она, а тесто так и хлопает, охает под ее руками. – Одному деду нашему все нипочем: ему лишь бы лошади в теле были, а там хоть трава не расти. Как в четыре часа завьется на свою конюшню, так до самой ночи и сидит там в конюховке... Ну а ты что молчишь-то? – неожиданно меняет бабушка разговор. – Семь классов закончил, куда дальше надумал?

– Не знаю, – замялся Сергей.

– Пора бы знать, – рассердилась бабушка. – Или тебе в техникум поступать и специальность получать, или дальше в школу бегать – разница большая. Если в школу, тогда надо к институту стремиться. А нужно ли тебе это? Если быкам хвосты крутить, то можно и без института управиться...

Слова бабушки насторожили Сергея: он и в самом деле не знал, как поступить и на чем остановиться. Ходить дальше в школу без Васьки и Настьки Лукиной ему казалось скучным, но и уезжать куда-то не хотелось.

– А то ступай к деду, – неожиданно улыбается баба Маруся, – будете вместе конский навоз из базы вывозить.

Сергей выходит во двор, по привычке бросая взгляд на собачью будку, из которой неожиданно выныривает хохлатая курица. Нет Верного, и двор словно осиротел без него, стал скучнее. Никто теперь не бросается навстречу, преданно виляя хвостом и заглядывая в глаза. Никто не приседает на передних лапах, предлагая взапуски пронестись по двору и поваляться в куче соломы, приготовленной для подстилки корове.

6

До Озерных Ключей на велосипеде – десять минут езды. Но сегодня гнать не хочется: Сережа все-таки волнуется, в первый раз собравшись к Виталию Степановичу в гости. Невольно приходят сомнения: вдруг он все это сгоряча наговорил, а потом одумался и встретит сейчас вопросительно-удивленным взглядом.

С утра небо затянули высокие, белые облака. Дождя, конечно, от таких тучек не жди, но все-таки попрохладнее стало. А дождь сейчас – в самый бы раз. На огородах потрескалась земля и начала быстро желтеть ботва у картофеля. Вечерами у Сергея руки обламывались от тяжести ведер, которыми он без конца носил воду на огород. А вода, сколько ее не лей на пересохшую землю, тут же исчезала, и вялые огуречные плети продолжали потихоньку бледнеть, а крошечные, пупырчатые огурчики сворачивались в колечко и отваливались от черенка. Бабушка сказала, что если еще неделю постоит такая сушь, все в огороде спорит и на зиму они останутся без картошки. «Надо будет покупать, – говорила баба Маруся, – а за какие шиши ты ее купишь? Деду пенсии двадцать один рубль назначили, дак он с конюшней своей никак расстаться не может, вот пенсию у него и отобрали. Придется милостыню просить – не иначе... Вся надежда на огород была, а его мало что кукурузные радетели наполовину отрезали, так еще и засуха, откуда она только взялась, остатнее добывает...»

Но вот уже и первые избы Озерных Ключей. А потом – бывший их дом под железной крышей... Сергей всегда с грустью смотрит на это подворье, внешне ничем особенным от других не отличающееся, а вот для него – близкое и родное до сих пор. Чем близкое, чем родное – не понять. Может быть, присутствием матери? Почему-то очень часто вспоминается, как она крутила сепаратор: машина уютно урчит, в одну сторону бегут сливки, в другую – обрат, а в маленькую дырочку капает молоко. Сергей подставляет палец и потом облизывает его. А за окном вечер, гогочут гуси на озере, зубрит стишок Вера, на угловом столбике ограды сидит

большой черный кот и равнодушно смотрит на захлебывающегося от напрасной ярости Верного...

Сереза сильнее нажимает на педали велосипеда.

Виталий Степанович живет в четырехквартирном финском доме, который построили несколько лет назад вербованные. Дом непривычно глазу большой и неуютный – без двора и ограды. Сергей привалил к стенке велосипед и медленно поднялся на крыльцо. У самой двери он переводит дыхание, расправляет закатанную правую штанину (чтобы в цепь не угодила) и только после этого перешагивает порог.

В маленькой, но аккуратной прибранной квартире Виталия Степановича нет. Правда, по всему видно, что был он здесь недавно: из носика чайника еще курится легкий парок и пахнет каким-то терпким одеколоном.

Сергей растерянно остановился на кухне (квартира состояла из крохотной кухоньки, в которую человек попадал сразу с улицы, и такой же маленькой спальняной комнаты), не в силах решить, что ему делать дальше. Входить в дом без хозяина не принято, но, однако же, он помнил, как просил его Виталий Степанович не уходить, подождать, если его не окажется дома.

Сереза решил и присел на табуретку. С невольным любопытством разглядывал он квартиру, в которой жил его школьный учитель: на кухне простенький стол, две табуретки, полка с тарелками и мисками, электроплитка, стоящая на двух кирпичках. В комнате сквозь дверной проем он разглядел железную кровать под серым одеялом, тумбочку, на которой стоял баян с перламутровыми крышками, над кроватью висел фотоаппарат в красном чехле.

Время шло, а Виталия Степановича не было. Сергей уже устал сидеть на табуретке, к тому же в квартире было душно, и он, не выдержав, вышел на улицу. Плотнo притворив двери за собой, Сереза еще некоторое время сидит на крыльце, а затем вспрыгивает на велосипед и гонит к клубу. Здесь он помогает киномеханику Толику Васину перемотать ленту, относит в зал и устанавливает динамик, похожий на большой городской чемодан, а под конец на доску объявлений приклеивает афишу.

– Слышь, Сереза, – говорит ему Толик, круглолицый и полноватый для своих лет парень, – пойдешь ко мне помощником?

– Не знаю, – отвечает ошалевший от этого предложения Сергей.

– А мне как раз, соответственно, нужен помощник, – поправляет модную клетчатую фуражку Васин. – Подумай...

И по его красному лицу с маленькими, хитроватыми глазками расплывается широкая, доверительная улыбка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.